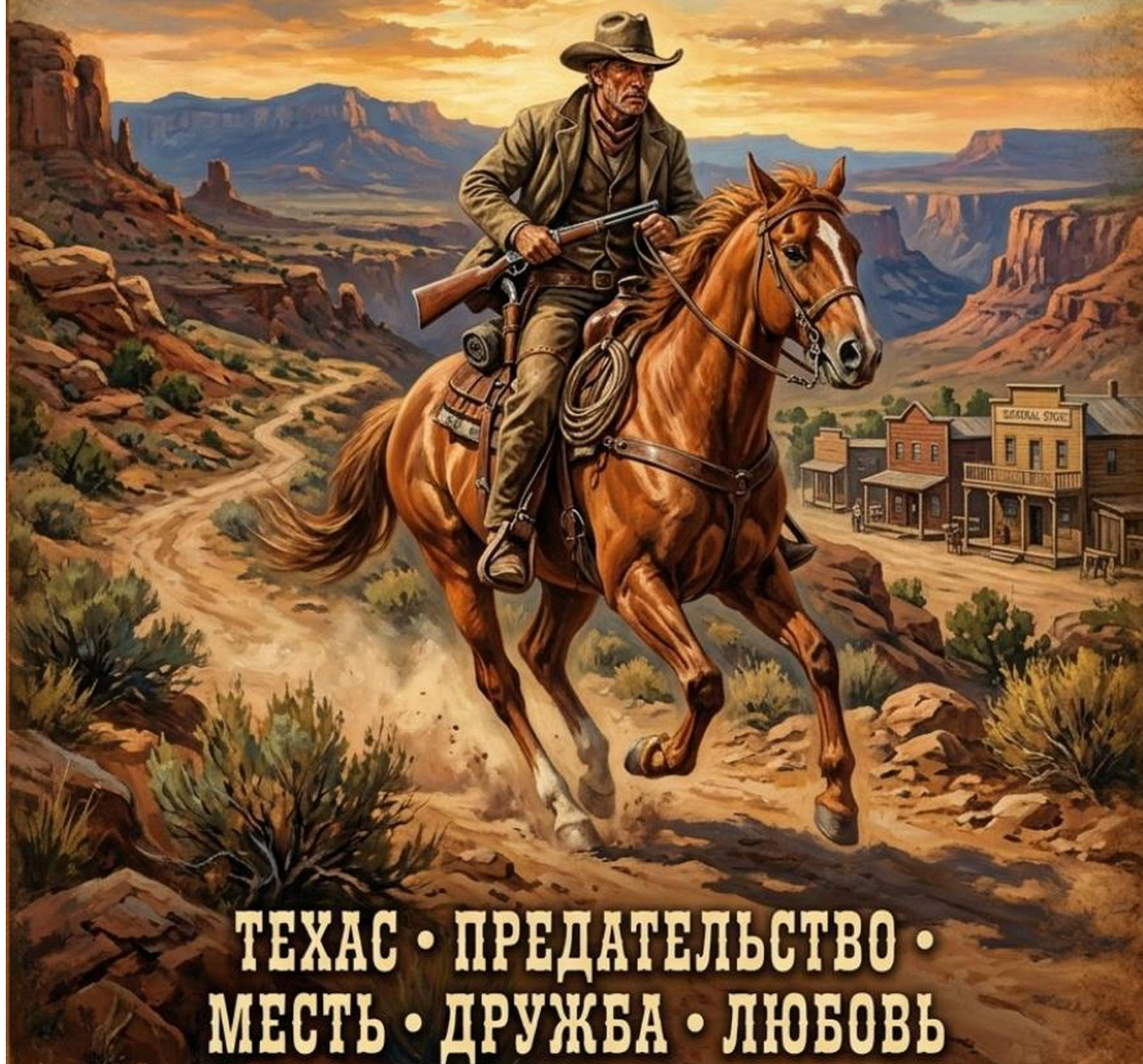

КЛАССИКА ДИКОГО ЗАПАДА

ДЕСТРИ СНОВА В СЕДЛЕ

МАКС БРЭНД

ТЕХАС • ПРЕДАТЕЛЬСТВО •
МЕСТЬ • ДРУЖБА • ЛЮБОВЬ

Макс Брэнд

Дестри снова в седле

«Автор»

2026

Брэнд М.

Дестри снова в седле / М. Брэнд — «Автор», 2026

Гарри Дэстри был лучшим бойцом города Уэм — пока двенадцать присяжных не отправили его на шесть лет за решётку по ложному обвинению. Настоящий вор остался на свободе — и остался его лучшим другом. Когда Дэстри возвращается, весь город ждёт увидеть сломленного человека — и поначалу кажется, что так и есть: он избегает драк, сносит оскорбления, улыбается тем, кто когда-то предал его. Но за этой маской скрывается расчёт куда более холодный и терпеливый, чем прежняя вспыльчивость. Один за другим присяжные узнают: Дэстри не забыл ничего — ни единого голоса «виновен», прозвучавшего в зале суда 6 лет назад. Город, который был готов повесить его во второй раз, начинает понимать: перед ними не прежний драчун, а человек, для которого закон стал личным делом. А рядом, слишком близко, чтобы быть просто наблюдателем, остаётся тот, кто знает правду лучше всех. Классический американский вестерн, не раз экранизированный, — история о мести, дружбе и цене, которую платит человек, решивший судить сам.

© Брэнд М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие переводчика	5
Основные персонажи	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Макс Брэнд

Дестри снова в седле

Предисловие переводчика

Имя Макса Бранда (настоящее имя — Фредерик Фауст) прочно вписано в золотой фонд американской приключенческой литературы и классического вестерна. Его герои — это почти всегда люди из стали и крови, живущие по суровым законам фронта, где право сильного и быстрота реакции на смертном рубеже заменяют любые законы цивилизации. Однако история Гарри Дестри стоит в этом ряду особняком.

Дестри — не просто очередной бесстрашный стрелок, чье имя наводит ужас на преступников и шерифов. В романах Бранда он предстает фигурой почти мифической, человеком, чье мастерство владения оружием доведено до абсолюта. Но истинная ценность предлагаемых вниманию читателя глав заключается не только в напряженном сюжете, погонях под луной и свисте пуль в тесных каньонах. Это глубокая психологическая драма о крахе непобедимости и искуплении.

В центре повествования — столкновение двух сильных разумов и характеров: Гарри Дестри и его давнего, искусного в коварстве врага Честера Бенга. Бент годами плел паутину интриг, используя чужие руки и подлость там, где бессильна грубая сила. Долгое время казалось, что Дестри обречен вечно нести бремя чужих подозрений и собственного грозного репутации. Но кульминация их противостояния переворачивает привычный мир с ног на голову.

Падение «непобедимого» Дестри, столкнувшегося с равным противником, становится для него не концом, а началом внутреннего перерождения. Пройдя через горнило унижения, отчаяния и смертельной схватки, герой осознает всю тщетность бесконечной череды убийств и вендетт. Момент, когда Дестри навсегда расстается со своим верным «Кольтом», символизирует не слабость, а высшую форму мужества — победу над собственным прошлым и жестоким ремеслом.

При переводе этой книги главной задачей было сохранить неповторимый авторский стиль Макса Бранда: суровый, динамичный язык, в котором каждая деталь ландшафта, каждый жест и взгляд героев наполнены напряжением. Надеюсь, читатель по достоинству оценит эту историю о конце старых времен, о мужестве вовремя остановиться и о том, как даже на самой крутой тропе можно найти дорогу к новой жизни.

Владимир Давыдов

Основные персонажи

Гаррисон (Гарри) Дестри (Harrison "Harry" Destry) — главный герой романа, благородный, спокойный и меткий стрелок. После несправедливого обвинения и тюремного заключения он возвращается, чтобы восстановить справедливость и свести счеты с теми, кто его подставил.

Шарлотта Дангерфилд (Charlotte Dangerfield) — гордая, волевая и независимая женщина, владелица магазина и почтового отделения в городе, которая играет ключевую роль в развитии сюжета и жизни Дестри.

Честер Бент (Chester Bent) — один из главных антагонистов, опасный, хладнокровный и элегантно одетый человек, представляющий угрозу для порядка в городе.

Вилли Торнтон (Willie Thornton) — мальчик-подросток, преданный друг Дестри, который стремится во всем ему подражать и помогает в трудные моменты.

Глава 1

«Маленький ты городишка, а значишь совсем немного, — сказал Гарри Дестри. — Ты никогда ничего не делал и путного из тебя не выйдет. Чтоб мне провалиться, если ты не похож на меня!»

Так сказал Дестри, выходя из качающихся дверей «Первого шанса», и прислонился к одному из тощих, искусанных лошадьми столбов, которые поддерживали крышу навеса перед салуном. Главная улица городка Уэм раскинулась перед ним, пока не уходила из виду, извиваясь по-змеиному. Свое название она получила в еще более ранние дни, когда представляла собой чуть больше чем перекресток с магазином и салуном, где ковбои собирались со востока, запада, юга и севера; и встречаясь со всех этих направлений, они зачастую устраивали такие взрывные стычки, что «уэм!» («хлоп!») было поистине описывающим словом. Городок до некоторой степени разросся, и он рос до сих пор, ибо скотоводы все еще заезжали сюда, вдобавок к тому длинные упряжки из шестнадцати мулов вывозили из Уэма высокие колесные грузовые фургоны и тащили их по пыльным склонам к золотым рудникам Кристальных гор.

Но все же городок Уэм разрастался не настолько быстро, чтобы память Дестри за ним не поспевала. Он умещался в чаше его памяти; он был исчерчен картой в его разуме; он знал каждую уличную вывеску и стоявших за ними людей — от кузнецов до адвокатов, ибо Дестри вырос вместе с этим местом. Он елозил босыми пальцами ног в горячей пыли главной улицы; он дрался на пустых участках; и немало домов или магазинов было построено на месте какой-нибудь сцены его бывшего величия. Ибо единственной звездой на короне Гарри Дестри, единственным драгоценным камнем в его кошельке, единственной песней в его истории было то, что он дрался; и когда он вступал в бой, его еще никто и никогда не побеждал.

Его войны велись вовсе не ради денег и не ради славы; движимый чистой страстью к самому сражению, он пускал в ход лишь собственные кулаки — неутомимый, чуждый любой двуручности в обращении с ножами или пистолетами, но при этом истинный мастер своего дела. Для него Уэм был хорошим и подходящим названием для города; оно выражало его собственный характер, и он любил этот городок ровно настолько же, насколько мало ценил его.

Осмотрев его теперь, он заметил новую крышу, белую от свежей, еще не покрашенной дранки, и неторопливо пошел вниз по улице, чтобы рассмотреть новичка. Он только завернул за первый поворот дороги, как встретил Честера Бента.

— И чтоб мне глаза повылазило, — мягко сказал Дестри, — если это не малыш Чет Бент, весь нарядный такой, точно в воскресную школу намылился. Ну как ты, Чет, как жизнь? Где это ты свои мягкие ручки под маникюр приспособил?

Честер Бент вовсе не был «маленьким»; у него имелся запас лишних дюймов роста, с высоты которых он мог поглядывать на Дестри сверху вниз, да вдобавок двадцать пять фунтов веса, чтобы подкрепить свои возражения, но в прошлые годы он уже оказывался повержен в яростной и безжалостной кулачной схватке с Дестри. Победа досталась тяжело: под лощеной, словно шкура тюленя, оболочкой Честера Бента крылась серьезная мощь, а за неизменной улыбкой — железная воля. Они сходились трижды: два первых раунда завершались побоищем, но на третий раз они сошлись у бассейна — и бились до тех пор, пока Честер не рухнул на спину, признав себя побежденным. А потому, раз уж он победил его, твердые руки Дестри больше не угрожали ему, и он превратился в человека, к которому Дестри обращался с таким ласковым презрением.

Ничего не меняло то обстоятельство, что Честер Бент был восходящей фигурой в городе, владел магазином и двумя домами, или что он расширил свои интересы, включив в них долю в руднике сомнительной ценности; для Гарри Дестри он оставался «малышом Четом» из-за славы того дня у купальни. И в этом Дестри был неправ, поскольку упускал из виду: хоть многое

и забывается многими людьми, есть одна вещь, которую не прощают никогда — тот самый черный момент, когда мужчине или мальчишке приходится вымолвить: «Хватит!»

Честер Бент лишь улыбнулся на приветствие ковбоя.

— Что это вы все тут делаете перед обувной лавкой? — продолжал Дестри. — Ждете пару башмаков, Чет?

— Я выезжаю на западную дорогу, — ответил Бент, — и обещал Дэнджерфилду захватить Чарли и подвезти ее; она внутри выбирает себе пару туфель.

— Чарли там? Я пойду зайду к ней, — объявил Дестри. — Пойдешь со мной, поддержишь мое пальто, а?

Он маршем вошел в обувной магазин и обнаружил потеющего приказчика, который возился с парой лакированных танцевальных туфелек, пытаясь натянуть их на ногу хорошенькой шестнадцатилетней девчонки, чьи волосы распускались по спине, а кончик косички выгорел на солнце до соломенного цвета.

— О, привет, Чарли, — сказал Дестри. — Как поживаешь и куда девала веснушки?

— Я их вывела, — ответила Чарли Дэнджерфилд. — А ты куда дел свои шпоры?

— Я оставил их в «Первом шансе», — сказал Дестри, — и они повесят их там на стену в знак того, что тут побывал мужчина и приложился к выпивке.

— Ты проиграл их в покер, — бросила она.

— Кто это тебе так быстро доложил? — удивился Дестри.

— Тут и докладывать нечего, и писать тоже, — отрезала девчонка, — и не надо быть телепатом, чтобы понять, где ты шлялся. Ты что, и все свои шесть долларов просадил тоже?

— Было пять с половиной, — поправил Дестри. — Кто тебе сказал?

— Я знаю, что ты целых шесть дней пропадал на ранчо «Сердце Y», вот и всё.

— Сейчас я тебе расскажу, как все было. Это была такая знатная рука, какой ты отроду не видала; прямо на руках четыре семерки; я стою, а Сим Харпер берет три карты, и чтоб мне провалиться, если он не перебил меня в споре за отличный дождевик, да за мой старый ствол, да за комплект серебряных блях-кончо, да за новенькую бандану почти что, и за мои шпоры, а потом выкладывает четыре дамы мне на посмешище. Слыхала о такой удаче?

— Всякую удачу можно достать с дна колоды, — заметила Чарли Дэнджерфилд. — Сим именно там ее обычно и держит.

— Я не слишком-то заглядывал, — сказал Дестри. — Должен признаться, когда я увидел каре, мне показалось, что это конь и седло, и выюк, и удочка, и целый месяц рыбалки в

Кристалльных горах. Я прямо чувствовал, как форель хватается мушку, — когда тут уследишь еще и за руками Сима?

— Ты и коня со седлом тоже проиграл?

— Разве добрался бы я до шпор без этого? — вопросом на вопрос ответил Дестри. — Похоже, Чарли, твой острый ум немного притупился с той поры, как исчезли твои веснушки. Веснушки ведь всегда были признаком ума, не так ли, Чет?

Честер Бент лениво скользил взглядом по названиям на рядах обувных коробок и в ответ лишь пожал плечами.

— Малыш Чет витает в облаках и поднимает процентные ставки до девяти годовых, — предположил Дестри. — Послушай-ка, Джордж, — обратился он к обувному приказчику, — скажи-ка, какого размера этот башмак?

— Пятого, Гарри, — ответил приказчик. — Пятого.

— Ты что, намерен натянуть эту туфлю на ту самую ногу? — спросил Дестри. — Или ты просто борешься ради разминки?

— Пятый — в самый раз, — запротестовала девчонка. — В прошлый раз я...

— Ты, должно быть, побывала на лагерном собрании и спасла свою душу, — заявил Дестри, — проглотив все чудеса разом и всё остальное, потому что сейчас ты точно выпрашиваешь какое-нибудь порядочное маленькое чудо!

— Ты совсем не забавен, Гарри, — оборвала она его. — Ты просто-напросто грубиян и невежа!

— Во многих вещах — несомненно, но уж в ногах-то и обуви я смыслю. Достань-ка пару седьмого размера, Джордж, потому что я не собираюсь отправлять это дитя домой с кровавыми мозолями.

Он наклонился и взял в руку ногу в чулке. Нога яростно дернулась.

— Трр, девчонка, — сказал Дестри. — Смирно, ты, брыкающаяся, глазами вращающая, никчемная кобылка! Не вздумай лягнуть меня в лицо!

— Ты мне ногу щекочешь, — сказала девчонка. — Оставь меня в покое, Гарри Дестри, и ступай себе по своим делам. Не хочу тратить на тебя время, да и мистер Бент страшно спешит.

— Я намерен сэкономить время мистера Бента, — заявил Дестри. — Джордж, ступай сними вон те седьмые. Но только посмотри, что она с собой сотворила: пальцы скрючила, мозоли себе на суставах вторых натерла. Чтоб мне провалиться, если эта старая кляча не испортится для меня.

— Для тебя? — переспросил Бент, наблюдавший за всем со стороны.

— Конечно, — сказал Дестри. — Когда она дорастет до этих самых ног, я на ней женюсь. Правда ведь, старая кляча?

— Тыфу! — бросила девчонка, ерзая от душевного дискомфорта, поскольку чувствовала, как у нее горят щеки. — Ты только болтаешь и болтаешь, Гарри Дестри, а толку никакого!

— Привет, Чет! — окликнул вошедший хозяин магазина, заставив дверь хлопнуть. — Видел шерифа?

— Кого видел? — переспросил Честер Бент, не поднимая глаз.

— Он тебя повсюду разыскивает. Только что шел по улице.

— А, — рассеянно произнес Честер, — ну, может, найдет еще, со временем! А ты собираешься за него замуж, Чарли?

— С какой стати мне выходить замуж за такого ленивого, никчемного лентяя? — возмутилась она, с гневом глядя на Дестри.

— Потому что я безумно люблю тебя, дорожка, — сказал Дестри. — И не забывай, что ты вся обещана мне.

— Ничего подобного! — запротестовала она.

— Забыла тот день, когда я перенес тебя через Громовой Ручей...

— Чет! — взвизгнула она в яростном протесте. — Послушай только, как он заливает, издевается над бедной девчонкой. Он ни за что не хотел переносить меня на тот берег, пока я не пообещала выйти за него замуж.

— И ты поцеловала меня, дорогая, и поклялась, что вечно будешь любить старого ничемного Гарри!

— Гарри Дестри, — заявила девчонка, — я тогда была чуть больше чем младенцем. Мне и двенадцати или тринадцати лет не исполнялось. Я бы с удовольствием отлупила тебя, Гарри, мерзавец ты этакий!

— Ты никогда не была младенцем, — возразил он. — Ты родилась старой и знающей больше, чем любой мужчина когда-либо узнает. Ну вот видишь, как аккуратно подошло?

Седьмой размер, и вправду, сидел на длинной изящной ноге как влитой.

На глазах у Чарли выступили слезы.

— О, Гарри, — произнесла она, — неужели оно чудовищно большое? Наверное, я вырасту ростом футов шесть!

— Очень на это надеюсь, — сказал Дестри. — Потому что похоже, будто большую часть дней мне суждено быть изрядно хворым человеком и к труду я никогда не приспособлюсь.

— С чего это тебя поперли с работы на «Сердце Y»? — осведомилась она, забывая о его невыносимых колкостях. — А я скажу тебе с чего. Ты опять дрался!

— Ну надо же, что ты говоришь! — невинно изумился Дестри. — С кем это я мог драться на «Сердце Y», где отродясь не было никого, кроме перепуганных греков да дряхлых негров-помощников?

— К ним туда намерен затесался какой-то долговязый Швед, — сказала она, — который, судя по виду, запросто может поднять тысячу фунтов. Готов держать пари, что это был он.

— О, Чарли, — вздохнул Дестри, — ты родилась старой и мудрой! Какая же адская жизнь меня с тобой ждет, дорогая!

— Как там Швед? — прищурилась она.

— Довольно скверно, — отозвался Дестри. — Довольно скверно и сдал. Желудок у него вроде как разладился, и от этого у него все глаза заволокло, так что он едва видит. Аппетита никакого нет тоже, а если бы и был, зубов не осталось, чтобы жевать. Но доктор собирается выписать ему новенькие вставные зубы, и очень скоро он станет хоть куда!

— Будь ты моим, — изрекла девчонка, — я бы держала тебя в наморднике и на поводке. Отпускала бы только на бродячих волков да навроде того. Вот что бы я с тобой сделала, будь ты моим!

— О, я и так твой, дорогая! — заверил он. — Позволь мне помочь тебе дойти до двери?

— Помоги-ка лучше самому себе, — посоветовала она, — да только не прикладывайся больше к горькой!

— Ну что ты, Чарли, я ведь почти и не пробовал!

— Ты хлещешь ее литрами, — заметила она, — но хоть бутылку-то ты надуть и горазд, меня тебе не провести! Пошли, Чет! Ужасно извиняюсь, что я тебя так задержала!

Они вышли к коновязи, где пара гнедых лошадей Бента была впряжена в заурядную упряжь с серебряными украшениями в резиновый экипаж, синие спицы которого были отTENены изящными красными полосками.

— Правлю я, — объявила девчонка и вскочила на место кучера.

— Ты что же, не поцелуешь меня на прощанье, Чарли?

— Я тебе врежу, наглец ты этакий! — бросила она, ухмыляясь ему. — Послушай-ка его, Чет!

— Слышь, Чет, — обратился Дестри, — раз уж ты уводишь у меня мою крошку, не оставишь ли мне что взамен?

Чет Бент кивком указал вверх по улице.

— Вон опять бежит с цепи бультерьер Пайка, — сказал он. — Не успеет и день кончиться, как он оставит за собой еще одну дохлую собаку!

— Правда? Вот ведь! — отозвался Дестри, поворачиваясь посмотреть, и когда ветер откинул полу его пальто, а девчонка приподнялась, разглядывая белое пятно на другом конце улицы, ни она, ни сам Дестри не заметили, как проворная рука Бента сунула тонкий сверток во внутренний карман пальто ковбоя.

— Насчет оставить что-то взамен — даже крысы на такое способны! — бросил Дестри.

— Они оставляют камни и булыжники, — улыбнулся Бент.

— А еще золото, как мне довелось слышать!

— Довелось слышать? Ну, вот тебе кое-что. Растяни на подольше, Гарри, идет?

Дестри пересчитывал купюры, зачарованный.

— Сорок — пятьдесят — у меня просто голова кругом идет, Чет! — шестьдесят — семьдесят — это же не по-настоящему, прямо как во сне! — семьдесят пять — восемьдесят — это кто ж тут разошёлся так щедро, Бент? Не твои ли проделки, дорогая? — девяносто — сто — сто долларов...

— Тебе лучше завести банковский счет, — подсказала девчонка.

— погоди-ка, Чет! — крикнул Дестри. — Что такого ты натворил, что тебе понадобилось отмаливать грехи ценой вот этого всего? Уж не ударился ли ты в веру, Чет? Не продал ли фальшивый рудник?

Он прошел за ними несколько шагов по тротуару, пока Бент, смеясь, тронул свою упряжку.

Затем Дестри повернулся обратно, окинув взглядом городок, который вдруг приобрел совершенно иной вид.

— Куплю-ка я себе коня со седлом и смоюсь отсюда поскорее, — решил Дестри. — Ковбой, купи себе шпор и шевели поршнями! Ибо деньги с неба каждый день не падают, жареная яичница на кактусах не растет, а Честер Бент не распаивает кошелек настежь вот так просто! Пойду-ка я исправляться и возьмусь за работу!

Так он говорил, хмурясь от решимости, но в этот самый момент его взгляд упал на качающиеся двери салуна «Второй шанс», и он почувствовал, что Ничто не настраивает на серьезный лад и планирование лучше, чем влажная прохлада того бара.

И он шагнул внутрь.

Глава 2

Если алкоголь — это ментальный яд, то, по крайней мере, на Гарри Дестри это не отразилось ни невнятиостью речи, ни дрожью рук или ног. Его глаза стали ярче, безумнее, голова была поднята выше; его рука была быстрее и беспокойнее, прежде чем он закончил тратить первые пятьдесят, что дал ему Бент.

Сто долларов в те времена можно было толстым слоем размазать по многим кускам приятного времяпрепровождения, и Дестри их и размазывал, и поедал, прихватив с собой друзей. Никто не знал, как начинались неприятности; они редко когда знали, когда Гарри Дестри выходил на тропу войны, но в салуне Донована уже поднялся шум, когда шериф подъехал к вращающимся, сверкающим колесам багги Честера Бенга и поднял руку. Бент перевел лошадей на шаг, и они продолжили путь, лениво отмахиваясь от мух и вытягивая шеи, — лошади рвались вперед, противясь сдерживающим их удилам и стремясь во весь опор пуститься в рысь.

Шериф смахнул немного пыли со своих черных усов, чьим блеском, длиной и густотой он непомерно гордился; затем он сказал: «Чет, я хочу задать тебе пару вопросов. Где ты был в среду вечером?»

«В среду вечером?» — переспросил Честер Бент, спокойно раздумывая. «Дай-ка подумать! Я занимался счетами, большую часть вечера. Почему ты спрашиваешь?»

«Потому что в ту ночь был остановлен экспресс, и почта была ограблена», — сказал шериф.

Он пристально всмотрелся в лицо молодого человека, чтобы увидеть, не изменилось ли выражение лица. На самом деле, Честер Бент побледнел, и на его гладких щеках слабо проступили фиолетовые пятна.

«И семьдесят две тысячи долларов были забраны», — сказал шериф, — «как, может быть, ты знаешь!»

«Господи великий!» — пробормотал молодой Бент, остолбенев, и добавил быстро, бормоча: «А бедняга Гарри Дестри тратит деньги как безумный по всему городу...»

Он осекся и виновато взглянул на шерифа.

«Что ты сказал?» — спросил шериф, его голос был высоким и резким.

«Ничего, ничего!» — сказал Честер Бент. «Я вообще ничего не говорил. Интересно, ты подозреваешь меня в чем-то, шериф?»

«Я никого не подозреваю. Я задаю вопросы, как велит мне закон и моя работа. Вот и всё!»

Было совершенно очевидно, однако, что он слышал замечание Бента, как, собственно, этот джентльмен и ожидал, что он сделает, и теперь, просто махнув рукой на прощание, он пустил свою лошадь в галоп вверх по дороге, и каждый комок песка и пыли, который копыта мустанга подбрасывали вверх, подобно маленьким зависшим в воздухе птицам, предвещал беду для Дестри.

Конечно, все пошло не так сразу, потому что, когда шериф стремительно спустился по главной улице Уэма, он услышал громкие крики, испуганные вопли, выстрелы перед собой; а затем он увидел, как испуганная толпа вываливается из дверей салуна Донована.

Он остановил одного обезумевшего беглеца, который бежал на полной скорости и подпрыгивал каждые несколько шагов, словно ожидая, что какая-то опасность может пролететь безвредно мимо него под его пятками.

Шериф потянулся с лошади и схватил другого за плечо, развернув его и заставив пошатнуться.

«Что там происходит?»

«Дестри снова взбесился!» — сказал тот и бросился прочь на полной скорости.

Шериф не стал очертя голову врываться в салун. Он был едва ли не самым отважным человеком на сто миль вокруг, но все же знал: подвиги хороши лишь тогда, когда им приходит время. Поэтому он остановился у качающейся двери и крикнул: «Дестри!»

«Ого!» — заорал Дестри. «Заходи!»

Тяжелая пуля сорок пятого калибра со звонким треском разнесла панель двери.

Шериф шагнул немного дальше в сторону.

«Кто там?» — спросил шериф. «Кто сеет хаос и нарушает законы в этом сообществе?»

«Я — Большая Мутная», — ответил вопящий голос изнутри. «У меня снег на голове, и камни на ногах, и снега тают, и я собираюсь выйти из берегов. Заходи и прокатись!»

«Это ты, Дестри?»

«Я — Большая Мутная», — заверил его Дестри. «Разве ты не слышишь, как я реву? Я начинаю течь, и я не собираюсь останавливаться! Я жажду прорвать свои берега, и хочу знать, какие дамбы у тебя есть, чтобы сдержать меня. Ужо!»

Раздался еще один выстрел, и послышался звон разбивающегося стекла.

При этом блюститель закона крепко сжал обе руки.

«Гарри Дестри», — сказал он, — «выходи во имя закона!»

«Единственный закон, который я знаю», — сказал Дестри, — «это бежать под гору. Берегись, потому что я быстр на поворотах. Я — река Большая Мутная, и я бегу до самого моря!»

Шериф намеренно повернулся на каблуках и ушел. Он просто объяснил прохожим, что с дураками такого калибра ничего нельзя сделать, кроме как позволить им выдохнуться и пойти спать. И Уэм, хотя это был довольно суровый город, согласился. Он уже много раз до этого испытывал на себе поток «Большой Мутной» и знал, чего ожидать от Дестри.

Поэтому, когда Дестри проснулся в холодное утро, с алкалоидной жадью, терзающей его душу, он обнаружил, что мирно отдыхает в тюрьме, а шериф удобно дремлет в кресле рядом с ним. Рядом был стражник, с мрачным видом и ружьем для разгона толпы. Сказал шериф, в то время как глаза Дестри были еще едва наполовину открыты:

«Дестри, ты ограбил экспресс!»

«Конечно», — сказал Дестри, — «но дай мне выпить, хочешь?»

«Ты ограбил экспресс?»

«Если получу ту выпивку, то да. Если я не получу ту выпивку, я никогда не видел чертов экспресс».

«Дайте ему выпить», — сказал шериф.

Выпивка была дана и исчезла.

При этом Дестри сел и пожал плечами.

«Ты знаешь, что ты под арестом», — предупредил шериф, который был честным человеком, — «и все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя. Но ты признался в ограблении экспресса!»

«Я?» — сказал Дестри. «Я ограблю еще один ради еще одной выпивки. У кого есть принадлежности?»

Ему предоставили «Булл Дарем» и бумагу из коричневой пшеничной соломы.

«А теперь», — сказал шериф, — «ты лучше расскажи мне, что именно ты сделал! Как ты это провернул?»

«Откуда мне знать?» — ответил Дестри, вдыхая дым глубоко в свои легкие. «Если я ограбил экспресс, ладно, я это сделал. Но я ничего об этом не помню!»

«Послушай», — сказал шериф. «Ты узнаешь это?»

Он предъявил тот маленький пакет, который он достал из внутреннего кармана пальто Дестри.

«Как я могу узнать это, когда я не видел, что внутри?»

«Ты прекрасно знаешь», — заявил шериф, — «что в этом! Признавайся, молодой человек. Это сделает все проще для тебя перед судьей и присяжными. А даже если не признаешься, они тебя все равно зацапают!»

«Пусть цапают», — сказал Дестри. «Я слишком много работал, и мне в любом случае нужен хороший отдых! Экспресс был ограблен прошлой ночью?»

«Ты прекрасно знаешь, что это была ночь среды!»

«Да? Ладно. Я просто хотел убедиться, в какую ночь я совершил это ограбление. Пока, шериф. Я собираюсь снова поспать».

Он бросил окурок на пол и позволил ему дымиться там, в то время как он невежливо повернулся спиной к шерифу и мгновенно снова захрапел.

Глава 3

«...что Гаррисон Дестри, проживающий в, вблизи или в районе Уэма, в штате Техас, в ночь на среду, одиннадцатое мая, примерно в пятнадцать минут одиннадцатого, умышленно, преступно и противозаконно задержал, остановил и стал причиной остановки поезда, именуемого...»

Гаррисон Дестри снова поднял голову и погрузился в наблюдение за трудами большого паука, работавшего в углу над столом судьи. Солнце освещало зеркало, так расположенное на стене, что яркий луч отражался прямо в этот угол, и там паук, несмотря на несезонное время, деловито продолжал работу по плетению сети для летающих насекомых. Работа казалась столь отчетливой в ярком свете, а глаз Дестри был столь остер, что он видел каждый блестящий кабель, по мере того как тот прокладывался, весь унизанный глобулами клея. Он перестал слушать голос, который читал обвинение.

Вскоре его вернул к действительности голос судьи, спрашивающего, выбрал ли он адвоката, который будет его представлять. Когда он ответил «нет», его вкратце уведомили, что полезно иметь совет защитника с самого начала; что его уже несколько раз об этом предупреждали и что это особенно ценно до выбора присяжных.

«Я на мели, — сказал Дестри. — Что у вашей чести есть на примете из хороших второсортных, подающих надежды адвокатов для меня?»

Его честью был не кто иной, как судья Александр Пирсон, к которому, возможно, шести людям в мире было позволено обращаться «Алек». Остальных он держал на почтительном расстоянии, и во всем этом диапазоне его уважали и боялись за его правосудие, которое он вершил беспристрастной рукой, и за его знание каждого человека, и особенностей характера и истории каждого человека едва ли не с рождения. Некоторым судьям можно было давать обещания относительно будущего поведения, но Александр Пирсон был слишком хорошо способен судить о будущем по прошлому.

«Адвокат Стивен Иствик, — сказал судья, — здесь под рукой, и я уверен, что он способен обеспечить вашему делу ученое и тщательное рассмотрение. Адвокат Иствик недавно стал членом коллегии адвокатов, но я уверен...»

«Привет, Стив, — сказал заключенный. — В покер, конечно, да, но только не с судебными картами, если будешь играть мою руку! Спасибо, ваша честь. Я сам проверну это дело лучше, чем Стив, на свой вкус».

Судья продолжил своим ровным голосом: «Адвокат Родман Уэйн также недавно стал одним из нас. Мистер Уэйн, я уверен, также был бы адекватным, и если...»

«Родди никогда не учился плавать, пока его не скинули в воду с плотины Клэки Фишер и я, — сказал заключенный. — А эта вот вода слишком глубока и быстра для Родди, чтобы он выглядел в ней достойно, ваша честь. Есть кто-нибудь еще?»

«Я думаю, что в холле есть...»

«Дайте мне того джентльмена из холла, — сказал заключенный. — Он мне нравится!»

Судья проигнорировал эту беспечность и серьезно попросил позвать адвоката Кристиана Макдермотта в зал суда, если он находится в соседнем холле.

«Старина Крис! — сказал молодой мистер Дестри. — Он мне очень поможет!»

Он повернулся к Честеру Бенту, который сидел на первой скамье среди зрителей, и сказал вслух: «Крис настолько близорук, что никогда не видел шулки, пока не надел двойные линзы, а потом первым, над чем он рассмеялся, был он сам в зеркале!»

«Мистер Дестри, — тихо сказал судья, — в зале суда должны соблюдаться определенные правила приличия. Вот мистер Макдермотт. Адвокат, готовы ли вы взяться за это дело?»

Мистер Макдермотт был готов. Он на самом деле почти оставил юридическую практику и проводил время, возясь со своими сорока акрами яблонь в долине по направлению к горам. Его единственным настоящим делом в неделю было оттирать пятна от еды с большой площади своей жилетки по воскресеньям утром, чтобы он мог беспорочно пойти в церковь в полдень. Но ради приличия он изредка появлялся в суде и брал небольшие дела то тут, то там.

Теперь он вошел, посмотрел поверх своих очков на судью, под ними — на заключенного, и сквозь них — на лица в толпе, нескольким людям среди которых он кивнул в знак приветствия. Так начался отбор присяжных.

Он проходил с поразительной быстротой. Единственные возражения были сделаны помощником окружного прокурора Теренсом Энсоном, которого обычно называли «Док», без какой-либо уважительной причины. Его отводы без указания причин не нужно было часто использовать. Он возразил против Кларенса Олсена, потому что последний, как известно, был вытащен из ручья Дестри много лет назад, и поэтому можно предположить, что он имел некоторые предубеждения в пользу заключенного, и против трех других людей, один из которых брал уроки стрельбы у Дестри, а двое других были партнерами по скотоводческому бизнесу и получили помощь от Дестри в отслеживании банды грабителей, которые угнали стадо коров. Помимо этих четверых, он также использовал несколько отводов без объяснения причин, но со стороны Макдермотта не последовало ни одного. Он каждый раз тревожно поворачивался к своему клиенту, но Дестри всякий раз лишь пожимал плечами.

«Не особо есть смысл пытаться найти кого-то получше», — сказал Дестри.

И за короткие полчаса двенадцать человек уже сидели в кабине присяжных. У них была одна примечательная черта, которая их объединяла — все они были старыми жителями Уэма, знали заключенного годами, и все они смотрели на него с необычной прямоотой.

Мистер Макдермотт посмотрел на них с тревогой.

«Знаешь, — сказал он своему клиенту, — просто взглянув на их выражения лиц, я бы сказал, что никто из них не является твоим другом?»

«Там нет ни одного из них, — сказал Дестри, — кто не содрал бы с меня полшкуры, если бы мог усадить меня в тюрьму на всю жизнь. Но это не имеет значения. В этом городе, Крис, у меня нет ничего, кроме врагов и друзей. Хотя друзей меньше, чем врагов. И я бы не хотел, чтобы было иначе. Какая польза от лошади для езды, у которой нет норова, который нужно вытрясти из спины с утра? У меня шансов, Крис, как у гранитного камня в мельничном

желобе. Но какая разница? Мне давно нужен был отдых и шанс подумать! Но давай посмотрим, что у них есть против меня?»

Он вскоре узнал. Суд шел полным ходом, ибо манеры судьи не допускали больших задержек. Сначала Теренс Энсон сухим, лающим голосом — он был человеком, который постоянно говорил, пока не выдыхался, и страдал приступами кашля, пока восстанавливал дыхание, — коснулся не слишком деликатно прошлого Дестри и объявил, что собирается доказать, что мистер Дестри был человеком, склонным к совершению этого преступления, способным совершить его и нуждающимся в деньгах, которые оно принесло бы ему. После вероятностей он собирался доказать, что Гаррисон Дестри лично остановил экспресс, держал на мушке посыльных, отобрал у них оружие и, пройдя через весь поезд, изъясил ценности у всего списка пассажиров, скрывшись с их личной собственностью и содержимым почты!

Мистер Макдермотт, когда выступил со своей вступительной речью, был несколько ограничен из-за нехватки материала. Он не мог должным образом опровергнуть общеизвестный факт, что Гаррисон Дестри был возмутителем спокойствия и драчуном по вкусу, воспитанию и привычке. Но он пустился в некие расплывчатые обобщения, содержащие туманные отсылки к правам личности и недостоверности косвенных улик, и сел на место, провалив свое дело настолько, насколько это было возможно сделать любым количеством сказанных слов. Поэтому, пытая и фыркая, он ждал в своем кресле и наблюдал за первичным допросом свидетелей.

Их было очень мало.

Был вызван машинист поезда, который заявил, что человек, остановивший поезд, был примерно такого же телосложения, как и заключенный, или, возможно, немного крупнее. И голос грабителя был очень похож на голос заключенного, за исключением того, что он был, возможно, немного выше. Двое охранников, защищавших почту, дали схожие показания.

Затем были показания владельца и бармена салуна «Первый шанс» о том, что мистер Дестри пришел в его заведение, имея при себе очень мало наличности, проиграл её, проиграл даже свое оружие и шпоры и ушел по улице, лишенный доступных денег. И все же, когда мистер Бент одолжил ему больше денег, вместо того чтобы тратить их с некоторой осторожностью, он разбрасывался новыми средствами с еще большей безрассудностью, чем когда-либо! Что это доказывало, если не то, что он был уверен в резервном запасе оборотных ценных бумаг, на которые он мог рассчитывать, как только покинет город? Фактически, пачка этих ценных бумаг была найдена в его кармане, и что еще можно было желать в качестве доказательства того, что именно он был этим человеком?

Не было никаких показаний, которые защита могла бы противопоставить этому уличающему набору доказательств, за исключением момента, когда юная Шарлотта засвидетельствовала, что на самом деле она видела, как Бент дал заключенному сто долларов. И вывод, к которому могла прийти весьма изобретательная коллегия присяжных, мог состоять в том, что пачка ценных бумаг была подложена в карман обвиняемого кем-то со злым умыслом, чтобы переложить бремя вины на плечи Дестри и тем самым запутать след.

Коллегия присяжных, однако, не выглядела особенно изобретательной. Она посмотрела на заключенного холодным взглядом и удалилась с пугающим отсутствием серьезности, разговаривая друг с другом еще до того, как они вышли из зала суда.

Что касается самого Дестри, он нисколько не сомневался в том, что произойдет.

«Что он сделает, Макдермотт? — сказал он. — Он упечет меня на девяносто дней или припаяет мне целый год, как думаешь?»

Макдермотт пожал плечами.

«Лица, совершившие преступление впервые, обычно получают милость в том или ином виде», — заявил он.

«Год был бы пределом, не так ли?»

Макдермотт покраснел и почесал голову.

«В противном случае, — сказал Дестри, — я бы проломил путь из их дурацкой тюрьмы и вообще не стал бы стоять на этом суде!»

Он сжал руку своего импровизированного адвоката.

«Они не впаяют мне больше этого?» — спросил он.

Макдермотт сказал: «Вердикт находится в ведении присяжных, а наказание должен определять судья. Я не могу изменить закон в твою пользу, молодой человек. Но, — продолжил он, — если ты скажешь мне, куда спрятал остатки украденных денег и другое имущество и во всем чистосердечно признаешься, без сомнения, судья смягчит приговор, который он сейчас обдумывает».

«Ну ты и большемордый, долговязый осел, — мягко сказал Дестри. — Ты думаешь, что я совершил это дело? Или, если бы я его совершил, ты мечтаешь, что я вернулся бы сюда в Уэм, чтобы тратить то, что я заработал? Разве я не свалил бы в Манхэттен, где мог бы сбыть такое добро за комиссионные? Конечно, я бы так и сделал! Макдермотт, иди и попроси себе новый комплект мозгов. Ты меня утомляешь».

Он отвернулся от Макдермотта, когда вошли присяжные. Их не было две с половиной минуты. Он поднялся по распоряжению судьи. Он стоял под охраной с обеих сторон и услышал, как Филип Баркер, старшина двенадцати честных и добропорядочных людей, произнес роковое слово: «Виновен!»

Глава 4

В этот момент все в зале суда внезапно подались вперед. Зрители подались вперед. Двенадцать честных и добропорядочных людей сами подались вперед в своих креслах и с жадным интересом уставились на лицо судьи. Если допустить, что подсудимый виновен, то что теперь с ним сделают?

Невозможно было предугадать, чего ждать от судьи: порой он бывал ослеплен слепой строгостью, а порой — удивлял неожиданным великодушием. Однако его самый первый приговор развеял все сомнения.

Он сказал: «Гаррисон Дестри, вы были признаны виновным коллегией из двенадцати равных вам, и теперь мой долг — вынести вам приговор, не за первое преступление, по моему убеждению, а за кульминационный акт жизни, полной насилия, праздности и никчемности!»

Здесь чистый, сильный молодой голос воскликнул: «Это неправда! Он не такой!»

Судье следовало бы приказать удалить этот возмутительный элемент из зала суда, но он лишь поднял спокойную руку в сторону Шарлотты Дэнджерфилд, которая так сильно нарушила приличия зала суда, и продолжил следующим образом:

«Я полагаю, что не одинок в том, что с очарованным интересом следил за событиями вашей карьеры со времен вашего отрочества, Гаррисон Дестри. Вы были еще совсем не стары, когда я заметил, что редко можно увидеть вас на улице без крови на руках или на лице! Если я проходил мимо мальчишек вашего возраста с подбитыми глазами, распухшими и кровоточащими ртами и избитыми лицами, я мог принять как должное, что Гаррисон Дестри недалеко. И обычно я видел вас, задерживающегося в тылу побежденного врага.

Такие вещи не воспринимаются всерьез у десятилетнего мальчика. Умение драться, в конце концов, является, пожалуй, самым ценным из всех талантов человека. И если бы мне пришлось выбирать единственную главную добродетель, желаемую в моем сыне, я бы назвал прежде всего мужество, но это еще не все!

То, что является добродетелью в десять лет, становится помехой в пятнадцать. А когда ваши руки стали сильнее, и вы стали бить сильнее, появились более серьезные истории о ваших мелких войнах в городе и на пастбищах, когда вы начали работать погонщиком скота и находить там людей, таких же жестких, как вы сами. В железной школе пастбищ вы были закалены. Там вы встретили людей старше и сильнее вас, и почти таких же свирепых. Время от времени до нас доходили вести, что Гаррисон Дестри был ужасно избит. Но прежде чем прошел следующий год, мы обязательно узнавали, что он отправился далеко по следу своего завоевателя и нашел его — в Канаде — в Мексике — и победил бывшего победителя.

В конце каждого серьезного столкновения вы обычно возвращались в Уэм, чтобы, можно сказать, искупаться в восхищении ваших сограждан, и вам не приходило в голову, что это было не только восхищение, с которым они смотрели на вас. Безусловно, они уважали вашу храбрость и завидовали вашей силе руки и зоркости глаз, но когда человек начинает использовать смертоносное оружие, как вы это делали столь молодым, это становится в меньшей степени поводом для восхищения, чем для страха, в меньшей степени зависти, чем ужаса.

И с того момента раздавались голоса, которые предрекали, что Гаррисон Дестри в конце концов отнимет человеческую жизнь! Некоторые не хотели в это верить, но в конечном итоге вера была навязана нам.

Это были не совсем предосудительные дела. Преступные, жестокие, растраченные и порочные жизни были теми, кто перешел вам дорогу, и теми, кто пал. Все казалось честной дракой. И все же настало время, когда люди содрогались перед вами, Гаррисон Дестри. Одним словом, пополз слух, что вы — "убийца", со всем тем, что подразумевает этот злоедающий термин. То есть тот, кто отнимает жизнь ради удовольствия, которое он получает от процесса!

Многие начинали таким образом, оставаясь в рамках закона; немногие продолжали так до конца! Они переступают черту, и отнимается невинная жизнь.

Однако в вас произошла и другая перемена. Вы начали как трудолюбивый мальчик; вы закончили как человек, который презирал любое орудие, кроме ножа Боуи или шестизарядного Кольта. Вы играли в азартные игры ради заработка и дрались ради развлечения. Ваши визиты в город стали часто повторяющейся чумой. Вы дебоширили в салунах. Вы отбрасывали тень на сообщество, которое никогда не было слишком мирным!

Посмотрите на картину самого себя, какой она, наконец, предстала перед нами! Гордый, активный, трудолюбивый мальчик превратился в ленивого, беспечного, нерадивого, бесстрастного и опасного, как притаившийся тигр, лентяя! Теперь вы наконец обнаружили способ срезать путь к состоянию, на которое могли бы жить некоторое время. Вы воспользовались этим коротким путем. Вы насильно приложили свои руки к деньгам других людей. Вы вмешались в работу почтового поезда. Вы ограбили саму почту. За эти действия коллегия присяжных, состоящая из двенадцати равных вам, признала вас виновным, и я от всего сердца согласен с этим вердиктом. При сложившихся обстоятельствах только невыносимая предвзятость в вашу пользу могла заставить хотя бы одного из них вынести любой другой вердикт, кроме этого.

Теперь мой долг — назначить вам наказание в соответствии с характером вашего преступления и вашего характера. И, должным образом обдумав все эти вещи, я решил, что вы должны быть приговорены к десяти годам тюремного заключения на каторжных работах, в честной надежде, что за это время вы получите возможность поразмыслить о своем прошлом и подготовить себя к иному будущему.

Если у вас есть замечания, чтобы смягчить этот приговор, я готов их выслушать, особенно учитывая, что ваш юридический консультант был вызван в последний момент и не имел подходящей возможности поработать над вашим делом».

Казалось, что Дестри заколебался и на мгновение задумался, что ему сказать, если вообще что-то сказать. Наконец он проговорил:

«Что может означать "равный", ваша честь?»

«Значение слова "равный", — сказал судья, — означает "одинаковый". Часть закона гласит, Дестри, что обвиняемый не должен быть судим теми, кто социально не является ему равней. Это можно считать отсылкой к другим временам, когда одни люди были свободными, а другие — крепостными».

«А крепостные, кем они могли быть?»

«Крепостной был человеком, привязанным к земле, или, говоря точнее, человеком, подчиненным и привязанным к какому-либо социальному регулированию, которое ограничивало его свободу. Но, в целом, можно сказать, что крепостной — это человек, который не является свободным».

«Эти джентльмены, — сказал заключенный, — о которых вы пару раз сказали, что они мне ровня. Это правда?»

«Я полагаю, нет человека среди них, кто не был бы вашей социальной равней, Дестри. По крайней мере, все они свободные люди!»

«Они?» — сказал Дестри.

Он повернулся к присяжным и сделал несколько шагов вперед, и охранник тревожно последовал за ним с обеих сторон.

«Вы не знаете этих джентльменов, — сказал Дестри. — Я вам скажу. Тот, что на самом краю слева в первом ряду, это Джимми Клифтон — тот маленький узкоплечий малый с цветком в петлице, как будто он вышел в воскресенье со своей лучшей девушкой. Свободный? Он связан хуже раба, и то, к чему он привязан, — это женщины, говорю я вам! Он не может выйти, не чувствуя их глаз на себе, и причина, по которой он ненавидит меня — посмотрите на это в

его глазах! — заключается в том, что девушка, которую он когда-то хотел, отказала ему, чтобы потанцевать со мной. Если я лгу, Джимми, скажи судье!

Рядом с ним — Хэнк Кливес. По виду его лица вы никогда бы не подумали, что он когда-либо был мальчиком, но он был. Быть на вершине кучи — его игра и его главная идея, и он раб этого. Он крепостной. Он не свободный человек, говорю я вам! Этого Кливеса я однажды ударил по носу, усадив его на землю быстро и решительно. В тот день он сказал "довольно", и именно поэтому сегодня он говорит "виновен".

Там есть еще Бад Уильямс, тот, с толстой шеей и маленькой головой, который приехал сюда, намереваясь стать чемпионом мира по борьбе. Но ты не можешь драться и не можешь бороться силой своих рук, потому что в конечном итоге важна сила твоего сердца! И после того, как мы с ним выяснили отношения на гравии на обочине дороги, и его лицо было стерто камнями, он начал ненавидеть меня, и с того дня до сегодняшнего не прекращал. Крепостной? Не было крепостного хуже него! Он завидует мулам на дороге из-за их мускулов. Он бы превратил себя в паровой двигатель ради того, чтобы иметь столько лошадиных сил!

Рядом с ним я хочу, чтобы вы посмотрели на Сэма Уоррена, с его длинной шеей и длинными пальцами, которые квадратные на кончиках. Посмотрите на него, а? Он мог разобрать любой пистолет в темноте и собрать детали снова без света. Он любил воображать, что держит жизнь каждого человека внутри изгиба своего указательного пальца. Он чувствовал себя свободным и величественным до тех пор, пока думал, что это правда. Но когда мы с ним немного повздорили, и его ногу прорезало первым же выстрелом, он точно быстро насытился и лег, чтобы обдумать все. Ваша честь, он крепостной того оружия, которое носит, и оно тянет его вниз под левую мышку прямо сейчас!»

Сэм Уоррен поднял свою узкую фигуру из кресла в такой позе, что на мгновение показалось, будто он бросится из кабины присяжных на горло другого. И заключенный спокойно сказал: «Если это не так, назовите меня лжецом. Ты поставил это оружие и поклоняешься ему. Ты никогда не можешь выбросить его из головы. Ты мечтаешь о нем всю ночь, и когда смотришь на своего лучшего друга, ты выбираешь пуговицу на его пиджаке, в которую будешь стрелять!»

«Мистер Дестри, — сказал судья своим спокойным тоном, — я думаю, вы оскорбили достаточно членов этой коллегии. Вы закончили?»

«Я закончу быстро, — сказал Дестри. — Только я хочу сначала закончить с этими двенадцатью моими ровнями, как вы их называете. Я хочу, чтобы вы посмотрели на Джерри Уэнделла, чьим Богом является его портной, и Клайда Оррина, любителя пожать руки, и Лефти Тернбулла, который всегда ненавидел меня с тех пор, как я побил его рекорд от Уэма до Кристальных гор, и есть еще Фил Баркер! Сколько раз Фил наводил шороху своими практическими шутками, пока не пришло письмо с просьбой зайти к девушке после наступления темноты, и вместо нее он обнаружил поджидающих его собак? Он не забыл, что это я написал ему то письмо, и он сегодня повесил бы меня за шею, если бы его голос мог это сделать! Есть еще Огдены, которые взяли деньги за мой скальп и загнали меня в угол, чтобы получить их; они потеряли свою кровь и свои деньги в тот день, и они хотят видеть, как я вою теперь. Затем есть Бад Тракман и Булл Хьюитт. Я не знаю, почему они хотят меня прижать, но, может быть, я когда-то бросил на них грязный взгляд».

Он снова повернулся к судье.

«Двенадцать ровней?» — сказал Дестри. «Двенадцать полукровки-щенков. Если ровные — это равные, я бы предпочел, чтобы меня судили двенадцать лягушек на болоте, чем эти двенадцать в той кабине присяжных! Но пусть они сядут и обдумают это! Когда мои десять лет истекут, я собираюсь заглянуть ко всем ним, и если их не будет дома, я все равно оставлю свою визитную карточку!»

«Дестри, — сухо сказал судья, — вам лучше закончить здесь».

Присяжные откинулись назад, пытаясь выглядеть презрительно, но, вопреки самим себе, были явно обеспокоены.

«Вот последнее, — сказал Дестри. — То, что вы сказали, — сушая правда. Я был растрачником, ленивым лодырем, драчуном, никчемным гражданином, но то, за что я получаю кнут сейчас — это ложь! Я никогда не грабил экспресс!»

Глава 5

Короткие речи надолго задерживаются в некоторых воспоминаниях; и последняя речь заключенного оставалась в умах горожан еще долго после того, как его отправили на десять лет за полосатую форму и решетку. Была еще одна деталь того дня в зале суда, о которой говорили мужчины, женщины и дети, и заключалась она в том, как юная Чарли Дэнджерфилд проскользнула сквозь толпу и добралась до Дестри, когда его вели прочь в сторону камеры, из которой он отправится в тюрьму. Там, перед всей толпой, она обхватила его за шею.

«Я верю в тебя, Гарри!» — крикнула она. — «И я тоже буду ждать тебя!»

Городок Уэм улыбнулся, когда услышал эту историю, ведь Чарли Дэнджерфилд было всего шестнадцать, но с годами, когда было замечено, что хотя она смеялась и разговаривала с любым мужчиной и танцевала с первым встречным по субботним вечерам, все же она не поощряла никаких знаков серьезного интереса; и когда она выросла из милого ребенка в прекрасную женщину и все еще сохраняла неприкосновенность ограды вокруг себя, тогда Уэм почесал подбородок и покачал головой.

Это заставляло уважать ее еще больше; чем более никчемен мужчина, которому предана женщина, тем больше ею восхищаются и любят ее все остальные мужчины. Их собственное самоуважение и их право ожидать привязанности жены тем самым, так сказать, получают основу и гарантию.

Более того: сами девушки городка Уэм, незамужние, зеленые и полные надежд девственницы, находили возможным питать искреннюю привязанность к прекрасной Чарли Дэнджерфилд, поскольку, какой бы привлекательной она ни была или как бы ни затмевала их звезды своим появлением, она была не более чем проходящей луной и никогда не вмешивалась в их дела. Установившаяся молодежь Уэма быстро научилась не тратить надежд на Чарли; только приезжие незнакомцы, привлеченные ее лицом и стремительно растущим состоянием ее отца, слетались на мгновение к пламени, опаляли крылья и улетали прочь, прихрамывая.

Поэтому, когда в город пришло известие, что Дестри разрешили покинуть тюрьму и что его десятилетний срок был сокращен до шести за хорошее поведение, первой мыслью каждого была мысль о Чарли Дэнджерфилд. Как она воспримет это второе пришествие своего героя, теперь состарившегося в исправительной колонии?

Теперь, подсчитав, они вычислили, что если ему было двадцать пять, когда его посадили, то сейчас ему могло быть только тридцать один. Стар от позора, если не от реальных лет — тюремная птица, все еще беглец от общества. Тот, кто прошел через огонь, должен нести отметину на своем лице!

Однако вечером того же дня, когда новость дошла до города Уэм, состоялось тайное собрание, на которое пришли Джерри Уэнделл, Клайд Оррин, братья Огден, Кливес, Сэм Уоррен, Булл Хьюитт и Бад Уильямс.

Сэм Уоррен, будучи самым известным стрелком в городе, председательствовал на собрании, сидя во главе стола и регулируя дискуссию. Они говорили откровенно, как говорят только те, кому грозит общая опасность.

Первое предложение сделал Джерри Уэнделл, который настаивал на том, чтобы нанять бандита для работы по окончательному вычеркиванию мистера Дестри из списка живых.

Эту убийственную мысль не отмахнули, а серьезно взяли в оборот, и лишь после нескольких минут разговоров было решено, что, вероятно, глупо убивать человека, который вскоре сам снова окажется в тюрьме. Клайд Оррин подытожил вердикт по этому пункту.

«Тюрьма никогда не делает джентльмена лучше; она всегда делает его хуже! Он поднимет шум, не пробыв в Уэме и дня, и шериф будет ждать его с обеими руками, полными железа!»

Поскольку это было принято как нечто само собой разумеющееся, было решено, что все восемь из них должны покинуть город Уэм для небольшой охотничьей экскурсии в горы. До их возвращения, несомненно, Дестри снова окажется в руках правосудия!

Это предложение едва успело завершиться, как раздался стук в дверь гостиничного номера, в котором они сидели, и вошел Честер Бент.

Они посмотрели на него без удовольствия, но Честер Бент, опираясь на край стола, немного запыхавшийся и все еще с шляпой в руке, улыбнулся им всем.

«Друзья мои, — сказал он, — я знаю, что вы удивлены, видя меня здесь. Я не был членом коллегии присяжных, которая признала Дестри виновным и отправила его в тюрьму. Вы знаете, что я был его другом тогда и являюсь его другом сейчас, и я полагаю, что он придет жить в мой дом, когда вернется. Теперь я хочу заверить вас всех, что сделаю все возможное, чтобы удержать Дестри от любых слишком поспешных и дерзких шагов. Но я также хочу сказать, что сомневаюсь в своей способности держать его в узде. Надеюсь, вы не истолкуете превратно то, что я хочу сказать. Даю вам слово, я ваш друг, так же как и его. Я здесь, чтобы спросить, чем могу вам услужить, потому что я принимаю как должное, что вы все осознаете, что будете в опасности с того самого момента, как Дестри прибудет сегодня вечером!»

Это было выкладыванием карт на стол со всей решительностью, и восемь сидевших за этим столом с искренним восторгом посмотрели на мистера Бента. К этому времени он стал человеком, заслуживающим внимания в Уэме. Во-первых, он увеличил свое богатство по крайней мере в шесть раз за то время, пока неудачливый Дестри сидел в тюрьме. Действительно, примерно в то же время, когда Дестри был увезен, городок Уэм получил доказательство делового таланта Бента по сумме наличных, которые были у него на руках, готовых для инвестиций; и, вложив их выгодно в шахты, в покупку акций лесозаготовительной компании, действовавшей в хребте Кристал, и скупая случайные клочки недвижимости здесь и там, Честер Бент теперь утвердил себя в положении, которое едва ли уступало положению любого человека в городе или в округе вокруг него. Он не сколотил такого огромного состояния, как Бенджамин Дэнджерфилд, конечно, и не как некоторые из великих скотопромышленников и горнодобывающих миллионеров, но Честер Бент был богат, и он был среди тех немногих влиятельных людей, которых приходилось приглашать для консультаций всякий раз, когда принималось какое-либо важное решение управляющими силами сообщества.

По всем этим причинам восемь человек за столом жадно слушали все, что он говорил. Дестри в одиночку был достаточно опасен, даже если бы он был лишь призраком самого

себя прежнего. Дестри, поддержанный таким человеком, как этот, был бы для них равносильен краху.

Они с такой же откровенностью сказали ему, что решили покинуть город, и он принял это предложение с удовольствием. Он пошлет им весть, заверил он их, о времени, когда им будет безопасно вернуться в Уэм!

В тот же день они уехали; в тот же вечер Честер Бент ходил по платформе станции, ожидая поезда, идущего на запад. Он подъехал, остановился, и с полдюжины пассажиров сошли; багаж и почта были выгружены, фонари поезда покачивались, и длинная вереница вагонов тронулась, наблюдательный вагон через мгновение скрылся из виду на высокой скорости на следующем повороте.

Но Гарри Дестри не было!

Затем рука легко опустилась на руку Бента, пробное и робкое прикосновение, и молодой человек обернулся и посмотрел вниз, на лицо, бледное, как брюхо лягушки.

Это был Гарри Дестри, наконец, но Бенту пришлось посмотреть на него дважды, прежде чем он смог узнать бывшего бандита Уэма, циничного, безрассудного воина, чьи подвиги разбивали головы и стекло в каждом салуне вдоль главной улицы города. Он казался и худее, и меньше, как тот, кто уменьшился от великой репутации прошлого и вырос до меньшего размера, меньшего факта.

Таким был Гарри Дестри, который вернулся в Уэм!

Странный блеск радости появился в глазах Честера Бента, и это было не просто удовольствие от приветствия старого друга дома. И все же он с лихорадочным нетерпением пожал руку Дестри.

«Ты приедешь домой жить со мной, — сказал Бент. — Я приготовил для тебя комнату...»

«У меня нет на тебя прав, Чет, — сказал другой. — Думаю, мне лучше просто убраться из города и...»

«О чем ты говоришь? — сказал Бент. — Посмотри вон туда — этот фаэтон под перцовыми деревьями, вон там. Там Чарли Дэнджерфилд ждет тебя, человек. Она подошла бы и встретила тебя; она не побоялась сделать это перед всеми, понимаешь? — но я подумал, что будет лучше, если она встретит тебя спокойно. Ты знаешь, как газеты подхватывают такие вещи? Дочь богатейшего владельца ранчо приветствует возвращение бывшего заключенного — ты понимаешь, что я имею в виду, старина!»

Он наполовину вел, наполовину подталкивал своего спутника вперед, пока говорил. В левой руке он держал маленькую сумку, содержащую все имущество Дестри; его правая была в поясице заключенного, заставляя его двигаться. Но тут Дестри остановился.

«Богатая? — сказал он. — Бен Дэнджерфилд разбогател? Чарли никогда не говорила мне об этом в своих письмах!»

«Думаю, Чарли не хотела, чтобы ты знал, что ждет тебя, когда ты вернешься домой, — сказал Бент, теряя часть лоска своего высшего школьного образования в волнении момента. — Потому что это именно то, что Бен Дэнджерфилд и делал — ничего другого, кроме этого! Он взял и стал самым богатым человеком на этом хребте! Шахта Дэнджерфилдов настолько чертовски богата, что можно было бы сорвать годовой доход большинства людей прямо с жилы и опустить его себе в карманы, и он не тянул бы слишком неудобно, когда ты шел домой. Богатая? Они теперь сделаны из денег, а это значит, что ты будешь сделан из денег! Иди вперед, там, и увидь Чарли, и поцелуй ее. Она ждала шесть лет этой минуты, Гарри!»

Он остановился, когда был в нескольких шагах от экипажа, чтобы дать Дестри немного уединения, но как только поддержка его руки была убрана, казалось, что последний едва мог двигаться вперед. Медленно он побрел к фаэтону; он пробирался под тенью тонковетвистых перцовых деревьев, сквозь которые мерцали звезды. И, наконец, он замер на месте.

Шарлотта Дэнджерфилд в мгновение ока выскочила из экипажа и обняла его.

«Гарри, Гарри, Гарри!» — крикнула она, ее голос поднялся от шепота до стога. — «Что они все с тобой делали? Что они сделали с тобой, Гарри?»

Она поцеловала его белое лицо, светящееся в тених и холодное на ощупь ее теплых губ. Он не шелохнулся в ее объятиях и не поднял руки к ней.

«Это были шесть лет довольно больших неприятностей, Шарлотта», — сказал он ей.

И она подумала, что даже его голос изменился, понизившись, чтобы никакое другое ухо не услышало то, что он хотел сказать.

При этом она засуетилась, строя планы, управляя изрядной долей взволнованного смеха, когда передавала его в руки Честера Бенга. Он должен был приехать утром на ранчо Дэнджерфилдов; ее отец был вне себя от желания увидеть его; тем временем ему нужен был хороший ночной сон.

Но прежде чем она ушла, у Честера Бенга была одна возможность заглянуть ей в глаза и увидеть там ужас. Честеру не стоило труда быть веселым во время поездки домой!

Глава 6

Ему не терпелось увидеть Дестри при ровном свете лампы, когда он добрался до дома, но Дестри было нелегко заманить на свет. В столовой ему удалось немного повернуть стул, по-видимому, чтобы уделить больше внимания своему хозяину, но на самом деле для того, чтобы отбросить тень на свои черты, и с многократными и покорными наклонами головы он слушал все, что говорил Честер Бент.

Со своей стороны Дестри говорил мало и, как правило, предварял каждое замечание извинением: «Если вы не возражаете, чтобы я сказал...» — или: «Извините, Чет, но...» — или: «Конечно, то, что я говорю, не считается...» И Честер Бент все буквально видел, как тяжелая рука закона сломала и выковала то, что казалось таким неподатливым металлом.

После обеда они были в библиотеке — той самой библиотеке, которая была последней короной в жизни Честера Бента, где темные ряды томов вздымались ярус за ярусом к сумрачному потолку, где два или три больших фолианта обычно можно было увидеть открытыми страницами вниз, как будто студента только что вызвали от их чтения, и где поверхность стола была завалена бумагами, знаком занятого человека. Восседая на таком фоне, Честер Бент еще немного разговаривал своего гостя, но зайти далеко было трудно. Было десять часов, прежде чем открылась правда.

Дестри хотел покинуть Уэм!

Когда-то в этой деревне для него были счастливые охотничьи угодья, но теперь он страшился знакомых мест. Он сидел, слегка наклонив голову набок, слушая гулкий хор лягушек, который печалил болото, подобно гудению басовых виол. Чем дольше он слушал, тем беспокойнее казался Дестри.

«Мне пора идти, — сказал он Бенту. — Не знаю, почему ты так необычайно добр ко мне, Чет. Но я не мог бы здесь остаться. У меня куча врагов в этом городе!»

«У тебя есть и друзья, старина!»

«У меня есть друзья. Но друзья — они не ловят пули в воздухе! Они не могут этого сделать, Чет! Я собираюсь идти дальше. Я хочу быть мирным человеком; я больше не хочу никаких неприятностей в мире!»

Он вздрогнул, говоря это, и Честеру Бенту пришлось хитро взглянуть вниз на пол, чтобы пламя ликования в его глазах не было замечено. Сразу после этого он позволил Дестри лечь спать, но большая комната, которая была приготовлена для его размещения, была совершенно не по душе новому гостю. Вместо этого он предпочел маленькую чердачную комнату с одним маленьким окном размером едва ли в фут.

Он осторожно обратил на это внимание Бента.

«Что скажешь, Чет? Что человек мог бы протиснуться сквозь это посреди ночи?»

«Человек? Едва ли лягушка могла бы пролезть туда, лягушка размером с лягушку, я хочу сказать!»

Дестри вздохнул с облегчением и тотчас же лег спать; Бент вернулся в библиотеку и там написал следующее письмо Джерри Уэнделлу:

Дорогой Джерри,

Гарри Дестри вернулся, но настолько изменился, что ты бы его не узнал! Он только что лег спать в чердачной комнате, потому что там окно такое маленькое, что человек не смог бы выбраться через него посреди ночи.

Его глаза ввалились, и у него вид собаки, которую переучили. Он белый и худой и, кажется, потерял несколько дюймов в росте, что, полагая, просто другой способ сказать, что он уже не тот человек, которым был раньше!

Я не думаю, что вам нужно бояться возвращаться в город, тебе и остальным; хотя, возможно, вам лучше прислать пару самых грубых из вас, чтобы разведать почву и убедиться, что он действительно так безобиден, как кажется.

Ты можешь заметить из этого, что я пытаюсь быть твоим другом и другом всем остальным, в то же время пытаюсь сделать бедного Дестри счастливым.

Он мало рассказывал о своей тюремной жизни, но я уловил несколько упоминаний о темных камерах и т. д. Предполагаю, что вначале с ним обращались довольно грубо, и это сломило его дух.

Я жалею его от всего сердца, и ты тоже будешь, когда увидишь его.

Искренне твой,

Чет Бент.

Он покинул дом, чтобы немедленно отправить это письмо, и, медленно прогуливаясь домой под звездами, он смотрел на них вверх и думал, что в эту ночь они горят ярче и прекраснее, чем когда-либо прежде. Когда он снова открыл дверь своего дома, он на мгновение замер, глядя в темноту и вызывая в ней образ прелестной улыбки Чарли Дэнджерфилд и еще более прелестных миллионов Бена Дэнджерфилда! Затем он вернулся в свою библиотеку.

Он свернулся калачиком на кушетке и уснул, но оставил свет включенным, ибо для жителей Уэма, возвращавшихся поздно ночью, было хорошо видеть освещенные окна кабинета этого восходящего молодого человека. Они тогда могли говорить друг другу, что Честер Бент — гений, но что гений — это девять десятых труда! Это повышало их уважение к нему, но уменьшало их зависть!

Было уже за час, когда он погасил свет, сонно споткнулся на лестнице в свою комнату и там сразу же погрузился в более глубокий сон и в объятия еще более счастливых снов.

Утром он взял Дестри, чтобы повидать Бенджамина Дэнджерфилда. Он гулял с Чарли под деревьями, пока Дестри разговаривал со своим будущим тестем; все, что они слышали из этого разговора, был громкий голос Бена Дэнджерфилда, восклицающий: «Зачем ты заглядываешь за двери, Гарри? Пыль?»

Шарлотта хотела постоянно говорить о Дестри, но Бент ловко уклонялся от этой темы и в конце концов сумел скрыть ее из виду. Через полчаса они слышали, как Дэнджерфилд кричит их, и вернулись, чтобы найти Дестри, стоящего с опущенной головой, вычерчивающего невидимые узоры на полу носком своего ботинка. Бент услышал сдавленное дыхание Чарли, но даже он не осмелился посмотреть на нее.

Дэнджерфилд сам скрипел зубами и сказал в присутствии своей дочери и Бента: «Моя дочь достаточно взрослая, чтобы вести свои собственные дела. Если она хочет тебя, она возьмет тебя, я полагаю, и пусть она имеет тебя; это больше не мое дело!»

Честеру Бенту не нужно было далеко оглядываться назад, во времена, когда даже Дэнджерфилд, независимо от его лет или его миллионов, не осмелился бы говорить в такой манере с Дестри.

Но то время прошло. Он отвез Гарри Дестри обратно в город, и последний постоянно кусал губу, глядя в тепловое марево, скрывавшее далекие виды дороги. Ни единого слова не прошло между ними, пока они не доехали до окраины города, и там Дестри попросил высадить его, потому что хотел прогуляться по Уэму. Его желание было исполнено, и Бент поехал обратно в свой офис.

Все было хорошо с ним. Он погрузился в свои дела на этот день, но пока он работал, он мечтал, и его мечты были все о Шарлотте Дэнджерфилд.

Ломтик пряника и стакан или два молока составили его обед, так что он не покидал своего офиса с утра, когда сама Чарли пришла повидать его поздно днем, стремительно ворвавшись в его кабинет.

Она проскакала на большой скорости весь путь от ранчо. Румянец от галопа высоко горел на ее коричневых щеках, и пыль была в ее волосах, когда она стояла перед ним, разминая рукоятку стека в своих перчатках. Но ее глаза были в отчаянии и больны, как и в ночь перед этим на станции.

«Я не могу продолжать, Чет!» — сказала она ему. — «Я очень несчастна; я совершенно измучена этим; но я не могу продолжать после этого дня!»

Он спросил ее, что случилось.

«Ты не знаешь?» — крикнула она. — «Весь Уэм знает! Все пожимают плечами! Не пытайся заставить меня рассказывать заново то, что случилось!»

Он мог догадаться; пророческое предвидение сказало ему все, когда он высадил своего спутника из багги тем утром и мягко поехал дальше через бархатную пыль главной улицы; но он сказал ей сейчас, что не покидал офиса.

Ей пришлось пройтись взад-вперед по комнате, прежде чем она смогла заговорить снова; а затем она повернулась наполовину от него, глядя в окно.

«Он зашел в "Второй шанс"», — сказала она, говоря быстро, чтобы покончить с этим. — «Он попросил лимонную воду...»

«Я рад, что он перестал пить, если это то, что это значит», — сказал Бент.

Она рискнула бросить на него один взгляд через плечо.

«О, Чет, — сказала она, — это значит кое-что другое; ты должен знать, что это так, несмотря на всю эту чертовски прекрасную преданность твою! Вошел Дад Кросс. Ты знаешь того никчемного парня Диккона Кросса? И Дад был пьян. Он наткнулся на Гарри, и когда он увидел, кого он задел, он прыгнул через весь бар, говорят. Затем он увидел, что Гарри не возмутился; просто стоял там, улыбаясь, выглядя немного бледным и больным...»

Она остановилась здесь, но, перехватив поудобнее стек, продолжила с дикой решимостью.

«Этот Дад Кросс, казалось, угадал все с одного взгляда. Он вернулся и — и проклял Гарри за то, что тот врезался в него! Проклял его! И — Гарри — стерпел это!»

Она ахнула.

«Дад Кросс сказал, что он не достоин пить с белыми людьми, настоящими мужчинами, и велел ему убираться. И Гарри пошел и...»

Даже Бенту было тяжело слышать это, и он вытер лицо платком.

«Кросс вышвырнул его на улицу. Пнул его! И Гарри поднялся и пошел домой в твой дом. Я полагаю, что он там сейчас! Чет, я хочу поступить правильно; но что есть правильное?»

Это произошло так быстро, что Бент едва мог поверить в свою удачу, но у него хватило ума не показаться прыгающим от радости при таком открытии.

«Я полагаю, я понимаю все, — медленно сказал он. — Это не пойдет, конечно. Тебе нужно будет увидеть его и сказать ему, что так продолжаться не может!»

«Как я могу увидеть его и ударить его по лицу — такую — такую вещь, как это?»

«Тебе не обязательно видеть его. Я думаю, он тоже знает. Он ждет этого, конечно, если в нем осталась хоть крупица мужественности. Нет, Чарли, ты просто сядь там за мой стол и напиши ему письмо. Это будет совершенно правильно. Знаешь что? Я возьму письмо с собой к нему и дам все необходимые объяснения».

«Ты сделаешь это?» — спросила она.

Она развернулась, уронила стек и схватилась за его руки. «Когда я вижу, какой благородный путь у тебя, Чет, оставаясь с ним, верным ему — единственный во всем городе, кто стоит на его стороне, я чувствую себя очень маленькой и ничтожной. Это прекрасно, то, как ты поступаешь! Но о, Чет, скажи ему очень мягко и осторожно о том, как обстоят дела. Я бы не бросила его — только — только — он не мужчина!»

Глава 7

Честер Бент принес домой это письмо вечером и отдал Дестри, чтобы тот мог поломать над ним голову в сумерках библиотеки.

Дорогой старина Гарри,

Так просто продолжаться не может. Я бы пересекла океан ради тебя, ради прежнего Гарри Дестри, но, думаю, ты видишь, что ты изрядно изменился. Я тебя не виню. Шесть ужасных лет прошли для тебя. Однажды ты снова станешь собой, когда немного посидишь в седле на пастбищах; и когда станешь, приходи повидаться со мной. Если ты не слишком меня ненавидишь, постарайся думать обо мне как о друге. Это то, кем я хочу быть, всегда.

Чарли Дэнджерфилд.

Бент ждал на противоположной стороне стола.

«Она не знала, что делать. Она боялась увидеться с тобой, Гарри. Поэтому она дала мне это письмо, чтобы я передал его тебе. Мне ужасно жаль, потому что я могу догадаться, о чем там все говорится!»

Дестри, старательно разглаживая сгибы письма после того, как снова сложил его, погрузился в глубокую задумчивость, из которой он заговорил, как ни странно, совсем не о Шарлотте Дэнджерфилд. Он просто сказал обеспокоенным, подавленным голосом:

«Братья Огден сейчас в городе, Чет. И я слышал, что Сэм Уоррен и Клайд Оррин тоже вернулись с холмов. Ты помнишь? Они все были в составе жюри присяжных! Они могут подумать, что я причиню им какой-то вред, и — и попытаются добраться до меня первыми! Чет, я думаю, мне лучше уехать из города!»

Это было, конечно, то желание, которое ближе всего лежало к сердцу Бента; ибо теперь, когда девушка порвала с Дестри, было всеми средствами лучше убрать его подальше от досягаемости ее импульсивной жалости, которая могла разрушить все, что уже было достигнуто.

«Возможно, ты прав, — сказал Бент. — Возможно, Уэм немного опасен для тебя. Ты знаешь, в старые добрые времена твой револьвер был вложен в очень свободную кобуру, Гарри, и люди этого не забывают. Тебе лучше уйти; я возьму на себя все финансирование. Скажу тебе, старина, я не подведу тебя, что бы ни делал и ни говорил остальной мир!»

Он не получил даже благодарности! Дестри, словно ошеломленный, все еще копался в своих мыслях.

«Кто-то сказал, что возвращаются и другие. Я имею в виду Бада Уильямса и Джерри Уэнделла. Восемь из них, всего. Восемь, которые были в составе жюри, отправившего меня в тюрьму!»

«Здесь для тебя может быть плохой климат, — снова признал Бент. — Послушай, старина. Уезжай прямо сейчас, если хочешь. У меня в конюшне сейчас есть отличная лошадь. Я снаряжу тебя в путь, и ты сможешь уехать и скрыться — с полным кошельком, заметь — и оказаться за пятьдесят миль отсюда, за холмами, прежде чем забрезжит день!»

При этих словах Дестри застонал вслух.

«О, Чет, — сказал он, — что я буду делать там, на открытом месте, где так много их смогут преследовать меня? Что я буду делать вдаль в холмах, я спрашиваю тебя? Они умеют читать следы. Они загонят меня. Я буду один! О, Боже! Только подумай о том, чтобы ехать по холмам и видеть тех же стервятников, кружащих в небе, которые вскоре выключат тебе глаза!»

Даже Честер Бент был немного тронут жалостью.

Он резко сказал: «Что, черт возьми, они делали с тобой в тюрьме, человек?»

«Я бы предпочел не говорить!» — сказал он, и Бент благоразумно не стал настаивать, чтобы он говорил, ибо почувствовал, что истерический срыв был близок.

В своей комнате он нацарапал еще одну записку щеголеватому Джерри Уэнделлу.

Дестри сильно сломлен и потрясен. Вы, ребята, будете обращаться с ним в перчатках, я уверен. Он беспомощен и безобиден, и вы пожалели бы его, если бы увидели. Чарли Дэнджерфилд разорвала свою помолвку с ним — это секрет, о котором вы наверняка узнаете к завтрашнему дню — и у него нет духа даже сожалеть о ее потере! Он может думать только о личной опасности, исходящей от тебя и остальных парней, которые служили в составе жюри. Думаю, могут пройти месяцы, прежде чем он снова станет прежним!

Чет.

Эту последнюю строчку он добавил после долгих раздумий, ибо это не вписывалось в его планы — позволить считать Дестри навсегда безобидным. Безобидным он никогда не смог бы быть, в глазах Бента. Не то чтобы последний боялся, что Дестри когда-нибудь сможет стать прежним, но потому, что однажды он прочитал, что женщины по-настоящему любят лишь однажды, и только однажды, и эта строка запала ему в сердце. В этот момент Бент почувствовал, что он ближе, чем когда-либо, к Чарли Дэнджерфилд, просто потому, что она восхищалась тем, как он поддерживал павшего человека. Если его мечта осуществится и она станет его женой, что произойдет в ее глубине души, если она снова встретит частично оправившегося Дестри в какой-то будущий день? Разум Бента был логичным и уверенным. Будущего для его гостя быть не должно!

Он послал слугу, чтобы передать сообщение; затем он спустился вниз, чтобы найти Дестри и отвести его к обеденному столу.

Дестри там не было. Ему сказали, что он вышел немного проветриться; но его не было ни в заднем саду, ни в переднем.

Он отправился в город, возможно, мучимый страхом, мучимый еще больше притягательностью огней, под которыми другие люди пили и развлекались. Без сомнения, он хотел видеть беззаботные лица и тем самым стремиться забыть свое душевное бремя!

Какой бы ни была причина, Гарри Дестри спустился по главной улице, избегая освещенных мест, скользя с одной темной стороны дороги на другую, пока не добрался до района салунов, и он уже начал пробираться в «Последний шанс», когда судьба, которая работает с жестокой настойчивостью в наших жизнях, снова поставила Дада Кросса на его пути, ибо Дад, пошатываясь, вышел наружу, как раз когда Дестри приблизился к вращающимся дверям.

«Желтая собака снова вышла и расхаживает!» — закричал Кросс. — «Возвращайся домой и попроси своего хозяина привязать тебя! А то в Уэме тебя могут сожрать!»

Он действовал, пока говорил. Широко замахнувшаяся ладонь его руки ударила по щеке Дестри и заставила его отшатнуться назад к коновязи. Там он прислонился, одна сторона его белого лица стала багровой, глаза бессмысленно уставились на обидчика, а пьяный Дад Кросс подался вперед, чтобы разделаться со своей жертвой.

Только удача привела туда шерифа. Динг Слейтер встал перед Кроссом и указал указательным пальцем, как пистолетом, в лицо хулигану.

«А ну дуй домой!» — сказал он, и Дад Кросс исчез, как пузырь, в ночи.

Шериф обернулся к Дестри с состраданием и отвращением, которые в равной степени тревожили его.

«Гарри, — сказал он, — не будь дураком и не показывай своего лица на улицах. Послушай моего совета. Тебе лучше идти домой. Ты слышишь меня?»

«Да, — слабо ответил Дестри. — Да, я слышу тебя.»

И он посмотрел в лицо шерифу глазами настолько пустыми, настолько широкими, настолько беспомощными, что Динг Слейтер не смог вынести их тяжести. Он отвернулся, не настаивая на своем, и поспешил по улице, беспристрастно проклиная звезды в небе и пени-тенциарную систему того суверенного штата.

Дестри, словно ведомый силами, превосходящими его, медленно пошел вперед, толкнул двери салуна и вошел.

Это был оживленный вечер. Дюжина мужчин выстроилась у бара, и был блеск глаз, вспышка лиц, когда они посмотрели в сторону двери и вошедшего. Затем все спины стали жесткими и повернулись прямо к нему!

Казалось, он не понимал, но, заняв место в самом дальнем конце длинного бара, Он невольно прижался к стене, ссутулившись, заказал выпивку, а затем забыл попробовать ее, но бессмысленно смотрел в никуда, в то время как приглушенный разговор у бара возобновился и продолжался в прежнем тоне.

Половина этих людей пили и кутили с ним в старые добрые времена; их жалость и самоуважение не позволяли им замечать павшего героя теперь. Они благоговейно отводили глаза, когда они случайно падали на лицо Дестри посреди смеха или посреди рассказов.

Веселые минуты продолжались; но вскоре пара из них ушла. А затем другая пара, и еще одна. В Уэме были другие места, где можно было выпить, где угнетающее влияние Дестри не ощущалось и где ужас, до которого мог опуститься храбрый человек, не был бы засвидетельствован!

Бармен не был черствым человеком, но он естественно раздражался, когда видел вечер, изрядно испорченный, прежде чем он начал расцветать. Он воспользовался первым удобным случаем, чтобы сказать Дестри, прикрыв рот рукой: «Тебе лучше допить и убираться!»

«Конечно», — сказал Дестри и посмотрел на него тем же покорным, но непонимающим взглядом.

Мужчина в дальнем конце бара проворчал владельцу салуна: «Оставь его в покое, слышишь? Он не в своем уме!»

«Он вызывает у меня тошноту», — сказал бармен с большей свирепостью, чем чувствовал, выпил три пальца для себя и оплатил это яростным ударом по кассовому аппарату. Тем не менее, крупный мужчина в дальнем конце решительно подошел к Дестри и сразу же оказался вовлеченным в разговор.

«Я слышал, что Уэнделл в городе?» — спросил Дестри. — «Где он мог бы жить, сейчас?»

«Два квартала вниз, в большом доме с еловой изгородью перед входом.»

«Да? Дом Оррина прямо напротив, не так ли?»

«Нет. Оррин переехал. Он внизу у реки, как раз слева от моста. У Кливиса дом напротив.»

«Да? Кливис был большим другом Уильямса.»

«Они были не разлей вода.»

«Уильямс тоже в городе? Все еще здесь?»

«Все еще здесь. У него комната в отеле Дарлингтон, где...»

Он замолчал, поднеся стакан к губам.

Дестри повернулся, чтобы проследить направление взгляда своего собеседника, и он увидел, как в дверях, которые вращались, появилась картина столь же мрачная, сколь он мог пожелать увидеть. Ибо братья Огден в тот момент распахнули дверь и вошли в помещение, и объектом, на который упали и задержались их глаза, было лицо самого Дестри.

Некоторые вещи очевидны как день. Когда лось застревает в снегу, а волки сидят в кругу с красными, высунутыми языками, не нужно пророка, чтобы сказать, что вскоре они будут есть красное мясо. И по торжественному входу братьев Огден было совершенно ясно, что они пришли за Дестри и намерены лишить его жизни!

Глава 8

После того первого взгляда они не обратили на Дестри никакого внимания, но прошли к бару и заказали виски, а Дестри оставался в углу, молча глядя на свои мечты открытыми, пустыми глазами. Бармен, повидавший на своем веку немало фаз этого брэнного мира, наблюдал за ним взглядом врача, который видит симптомы смертельной болезни, против прогрессирования которой нет лекарства. В комнате все еще оставалось пять человек, и они отступили от бара не спеша, а постепенно, переговариваясь друг с другом, как будто их дела требовали большей уединения, чем то, которое можно было найти под ярким светом двух керосиновых ламп, заливавших бар и его окрестности.

Из болтовни разговоров, предшествовавших появлению братьев Огден, в комнате воцарилось приблизительное молчание, как перед боем за звание чемпиона, когда голоса зрителей постепенно стихают и наступает мертвый момент, в который даже самый случайный шепот удивительно слышен через несколько рядов, а говорившие смущаются и оглядываются в надежде, что никто не подслушал их сквернословие.

Так было и теперь в салуне после того, как вошли братья Огден. Они были одного поля ягоды. Этот тип зарождается где-то на Среднем Западе, сразу понятен всем, кто побывал в тех краях, и непонятен больше никому.

Они были высокими, но сложены нескладно они не были. Их плечи были широкими, но грудные клетки не мелкими. Они держались прямо, и головы их были подняты высоко, и все же на них лежал след извечной слизи. Это проявлялось в их сальных лицах, слишком сильно сморщенных в углах сверхъярких глазах, как от непрекращающегося смеха, хотя опытный наблюдатель знал, что смех не имеет никакого отношения к этим морщинам. У них была манера тайком улыбаться друг другу, зная о шутке, которая была непонятна остальному миру, и они подкрепляли себя этим смехом; ибо смех — обоюдоострый меч, и все те, кто его не понимает, в силу природы обречены чувствовать себя не в своей тарелке.

В самый этот момент они кисло улыбались друг другу, поднимая бокалы. Они не приветствовали бармена привычным кивком и наклоном стакана; они не поворачивали обычную доброжелательную ухмылку к остальным у бара, но вместо этого они быстро подняли свое спиртное и быстро с ним расправились. Затем они с звоном опустили стаканы на лакированное дерево бара и посмотрели на то, что было перед ними.

Они пришли убить Гарри Дестри. Это было понятно им самим и всем наблюдателям; но им нужен был мост, по которому можно было бы перейти от банального к столь желанному событию. Вряд ли стоило поворачиваться на каблуках и оставлять новорожденного труса мертвым!

С тайной, с некоторым стыдом, с великим смущением, поистине, они украдкой глядели друг на друга и обдумывали средства, с помощью которых они приблизятся к этой роковой кульминации вечерней работы.

И все же Дестри не давал им никакого повода, никакой зацепки, ни малейшего намека на предлог для нападения на него. Он стоял с тем же задумчивым взглядом, устремленным в пустоту, и не произнес ни слова, не напросился ни на один комментарий, не попросил ничьего мнения. Наконец он робко произнес: «Я возьму еще».

Бармен с искренним изумлением заметил, что стакан Дестри пуст. Он быстро достал бутылку, и когда Дестри налил умеренную порцию, хозяин салуна доверху налил стакан себе, ибо на этот раз ему снова понадобился стимул.

Разговоров не было вовсе. Один человек бесшумно выскользнул через вращающуюся дверь; остальные остались с очевидной целью увидеть убийство Гарри Дестри. Не потому, что он был важен теперь, а потому, что некогда он был человеком известным.

Вдруг Джуд Огден произнес: «Дестри?»

Тот поднял голову со слабой улыбкой.

«Да?» — сказал он.

Никто не мог видеть его лица в тот момент, кроме бармена, и с тем произошло странное судорожное движение, из-за которого спиртное в его поднятом стакане наклонилось и половина содержимого пролилась на пол. Все еще находясь под влиянием того же шока, каково бы оно ни было, он поставил стакан на барную стойку, затем передумал и единым движением осушил содержимое.

Он сильно кашлянул, но запивать не стал. Зажав край барной стойки обеими руками, он замер на месте, глядя не на братьев Огден, а на Дестри, как будто именно от него теперь следовало ждать главного действия.

«Дестри, — сказал Кларенс Огден, подхватывая речь там, где его брат остановился, — было время, когда ты поступил с нами дурно, ты — Дестри!»

«Я поступил с вами дурно?» — сказал Дестри, все так же погруженный в раздумья. «Я поступил с вами дурно?»

«Ты поступил с нами дурно», — жестоко оборвал его Джуд Огден.

В салуне вновь воцарилась тишина, и зрители, укрывшись в своей тени, переглядывались, зная, что время почти пришло.

«Ну, — сказал Дестри, — мне было бы очень жаль думать, что я сделал кого-то в этом городе несчастным! Я бы точно не хотел об этом думать!»

Произнеся это, он отвернулся от бара, и с его губ сорвался фальшивый, неубедительный и резкий смех.

Присутствующие поморщились, и их губы искривились. Что касается Огденов, они украдкой переглянулись, как бы говоря, что именно этого они и ожидали. Затем Кларенс Огден всем корпусом повернулся к Дестри.

«Паршивая крыса!» — сказал он.

Но Дестри ничего не сделал, и даже пальцем не шевельнул!

«Тяжелое прозвище», — сказал он.

Но по мере того, как он говорил, всем слушающим внезапно стало очевидно, что он не боится! Он, трус, безымянное существо, немного отвернулся от бара так, что оказался лицом к Огденам, и когда он заговорил, его голос звучал как ласка.

«Тяжелое прозвище», — сказал Дестри.

И голос его не был испуганным!

Это было так, будто из-за зарослей кустарника открыла огонь замаскированная батарея. Сальные лица Огденов потеряли цвет; зрители инстинктивно сбились ближе друг к другу, плечом к плечу, и выстроились в ряд.

И Дестри продолжил: «С какой стати вы меня так называете, парни?»

Огдены в свою очередь умолкли.

Они пришли в надежде обнаружить дикую кошку, у которой вырваны зубы и когти. Оказывается, сверх всяких верований, они могли ошибаться!

«Я слышу очень скверное словечко от вас обоих, — сказал Дестри. — Это прямо-таки задевает мои чувства. Вот прихожу я, прошу тихой выпивки, а тут заявляются Огдены. Храбрые люди. Большие люди. Довольно известные. Называют меня желтым скунсом, так сказать, с какой стати?»

Он улыбнулся парочке, а парочка не улыбнулась в ответ.

«Не может быть, — продолжил Дестри в той же сдержанной манере, — чтобы вы пришли сюда в поисках побитого щенка, а нашли вместо него настоящего пса?»

Его улыбка стала шире, и по мере того, как он улыбался, казалось, что фигура Дестри становится выше, его грудь расширялась, глаза ярче блестели.

«Не может быть, — сказал он, — чтобы Огдены собирались проявить себя парочкой паршивых крыс, которые не отвечают за свои слова?»

Он сделал один легкий шаг к ним, и они инстинктивно отступили перед ним.

«Не может быть, чтобы они были парочкой паршивых фальшивок, — сказал Дестри. — Не может быть, — добавил он более громким тоном, — чтобы они разгуливали по городу в образе великих людей и великих убийц, не имея духа подтвердить то, чем хотят казаться?»

Страх? У этого человека?

Белое лицо озарилось; ноздри раздулись; глаза Дестри сверкали огнем, а зрители прижались еще ближе к стене. Если теперь и было сочувствие, то не к одиночке, а к этой парочке.

Действие застыло в нерешительности, пока Кларенс Огден не завопил голосом визгливой старухи: «Я прикончу тебя, ты...»

Выкрикивая это, он дернул свой револьвер; он был мертв прямо посреди проклятия; ибо из-под полы своего пальто Дестри вытащил револьвер — длинноствольный, ярко-синий; огонь выплонуло из его дула.

Кларенс Огден сделал неуклюжий шаг вперед.

«Я...» — начал он сдержанным тоном, словно собираясь дать объяснение, а затем медленно осел на пол безжизненной тушей.

Никто не обратил внимания на его слова в самом конце. Его брат потянулся за оружием в ту же секунду и выстрелил. Лишь на мгновение он опоздал. Меньше чем за время, необходимое для моргания глаза, второй выстрел Дестри сбил пулю из его собственного оружия, и Джуд Огден завертелся волчком и с грохотом рухнул о стену. Он все еще пытался завладеть оружием, которое выронил, распластавшись вперед, как лягушка на суше.

Дестри ударил его по голове стволом своего «Кольта» и наклонился над ним. Джуд лежал неподвижно. Его большая рука застыла на полу, казалось, вцепляясь в него так, будто ему не терпелось вырвать доску и обнажить тайну. Но все его мощное тело лежало на полу беспомощным и лишенным сил.

Дестри встал над своей жертвой.

Он сказал ошолобеневшему ряду свидетелей вдоль стены: «Думаю, вы все видели, парни, что я ничего не мог поделать, чтобы предотвратить это. Я был ужасно беспомощен. Они просто-напросто настаивали на том, чтобы получить мой скальп, так сказать! Ужасно жаль!»

Он подошел к крайнему человеку в ряду, стоявшему ближе всего к двери.

«Уэнделл, Джерри Уэнделл, ты знаешь его?»

«Да», — выдохнул мужчина.

«Где он живет? Скажи мне! Я раньше слышал, да забыл!»

Ему ответили запинкой, и он направился к двери.

Добравшись до нее, он снова повернулся к остальным, окинул взглядом две неподвижные фигуры на полу и рассмеялся! До конца своих дней они не забудут звук этого смеха. Затем Дестри скрылся в ночи.

Первым среди остальных опомнился бармен — подбежав к телефону, стоявшему в конце барной стойки, он сорвал трубку.

«Один — девять — восемь, быстро, ради Бога!»

Ни один человек не шевельнулся среди оцепенелых зрителей.

Затем хозяин салуна наконец закричал:

«Это ты, Уэнделл? Это салун "Последний шанс". Слышишь? Братья Огден оба напали на Дестри в моем заведении. Они оба мертвы, я думаю, или при смерти! Он направился к твоему дому! Убирайся из города! Убирайся из города! Он притворялся. Это не прежний Дестри вернулся к нам, а дьявол, который в десять раз хуже! Уэнделл, убирайся из города!»

Глава 9

Была одна привычка трудолюбия, которой Бенджамин Дэнджерфилд придерживался всю свою жизнь, и это был подъем в ранний час. Для него весь день был больным, если он не видел, как ночь становится серой и в восточной части неба начинает распускаться розовый цвет рассвета. Солнце еще не взошло, когда он сидел за своим завтраком вместе с дочерью.

«Я еще не показал тебе мое новое пальто», — сказал он и, встав, повернулся перед ней, зажав кусочек ветчины на конце вилки у самых губ. «Как оно выглядит?»

«Очень грандиозно, — сказала Шарлотта. — До колен ты выглядишь почти так же прекрасно, как какой-нибудь игрок в покер».

Потому что под пальто на нем были обычные синие джинсы, а штанины комбинезона были заправлены в тяжелые ковбойские сапоги, которые никогда не видели прикосновения ваксы или какого-либо другого ухода, кроме щедрой смазки жиром зимой.

Мистер Дэнджерфилд снова сел.

«Как я выгляжу под столом, не имеет значения; то, как я выгляжу над ним, — вот что имеет значение».

Говоря это, он похлопал себя по галстуку и чувствительно провел кончиками пальцев по усам.

«Конечно, — сказала девушка. — Все, что удобно, то и правильно, я полагаю. Собакам под столом было бы неудобно, если бы им пришлось разгуливать туда-сюда среди брюк из сукна. Кошкам тоже».

«Предположим, — сказал отец, — что ты захотела бы пойти посидеть на изгороди загон и посмотреть на лошадь — разве нарядные брюки годились бы для этого?»

«Нет, — ответила она. — Они бы все до единого занозы посадили!»

«Или предположим, что ты устала ходить и хочешь отдохнуть, стала ли ты садиться прямо на землю в модных штанах?»

«Нет, сэр, ты бы определенно не стала».

«И все же ты смеешься надо мной одинаково, — сказал он. — Кстати о собаках, где этот пегий пес? Я его еще не видел сегодня утром».

«Он, скорее всего, у тебя в ногах на кровати, — ответила она. — Ты, должно быть, набросил на него одеяло, когда вставал».

«Полагаю, так и есть, — сказал он. — Моуз, поднимись наверх и посмотри, сыщи-ка мне эту бестолковую собаку Майора, ладно?»

Моуз исчез.

«Ты выглядишь довольно-таки жалко, — заметил мистер Дэнджерфилд. — Возьми немного этого кукурузного хлеба и передай его мне. Он холодный! Я собираюсь прикончить какого-нибудь нигтера вон там на кухне на днях, если ты не приведешь их в чувство довольно быстро!»

«Как я могу привести их в чувство? — спросила девушка. — Я увольняла этого ни на что не годного Элайджу шесть раз, а ты всегда принимаешь его обратно!»

«В этой семье, — сказал Дэнджерфилд, — нигтеров не увольняют, слава Богу!»

«Тогда не поднимай бучу из-за того, что у тебя несварение желудка. За это ты тоже можешь поблагодарить Бога!»

«Дело не в мужчинах на кухне, именно женщины там создают проблемы. Я ведь тоже уволила эту бесполезную Марию, — заявила Шарлотта, — но убей меня бог, если она не начинает завывать, как собака на луну. В прошлый раз она просидела у моей двери три часа и наградила меня кошмарами своими выкрутасами».

«Тебе следовало бы урезать им жалованье, — сказал Дэнджерфилд. — Никогда не видел ничего подобного тому, как ты разбрасываешься деньгами на этих ниггеров, никчемных бессребреников!»

«Ой, как ты заговорил! — сказала его дочь. — Какая им разница, деньги? Разве они все не продолжали работать все те годы, когда вообще ничего не получали за труд?»

«Деньги не для ниггеров, — сказал Дэнджерфилд. — Деньги и голоса не для них. Передай мне немного этой рыбы. На этом столе едва ли есть что-то пригодное для человеческих уст!»

«Ты стал чертовски привередлив, — сказала она, — с тех пор как случайно разжился парочкой грошей; я помню много таких дней, когда мы были рады иметь на завтрак просто кукурузный хлеб, без всяких яиц, ветчины, рыбы, молока и даже кофе».

«Это неправда! — сказал отец. — Никогда не было такого времени, даже когда мое состояние падало ниже некуда, чтобы у меня на столе не было кофе».

«Ага, — протянула Шарлотта. — Но в большинстве своем это была лишь повторная заварка — со второго или третьего раза и мне приходилось ароматизировать его патокой, чтобы он хоть капельку напоминал что-то съедобное!»

«У тебя характер, — сказал ее отец, — как горсть канцелярских кнопок. У тебя природная сладость клубка колючей проволоки, Чарли. Я больше не собираюсь с тобой разговаривать сегодня утром».

«Я тебя об этом и не просила», — сказала она.

«Почему бы тебе тогда не пойти своей дорогой и не позволить мне закончить завтрак?»

«Потому что тогда мне не с кем будет возиться, кроме ниггеров», — ответила она, подперев подбородок рукой.

«Чарли, если ты собираешься так из-за этого падать духом, почему бы тебе не пойти и не принять его обратно?»

«Там нечего принимать обратно, — сказала она. — Он всего лишь горстка пузырей».

«Тогда из-за чего ты так сильно скорбишь?» — спросил он.

«Потому что я потеряла своего мужчину, — сказала она, — и вернулся лишь его призрак».

«Ты сейчас же устроишься с другим, — сказал он. — У тебя никогда не было проблем с тем, чтобы собирать вокруг себя молодых назойливых поклонников. Вот эти парни помогли мне пригнать и удержать стадо свиней, стадо крупного рогатого скота и целый поезд яблок и прочего; они выпили столько моего виски, что хватило бы оросить тысячу акров кукурузы; и все потому, что ты почти наполовину так же хороша собой, какой была твоя мать, Чарли».

«Спасибо, — сказала она. — Ты хочешь видеть меня связанной узами одного из этих браков "люби-меня-мало-люби-меня-долго". Но дело в том, что я не собираюсь выходить замуж, никогда».

«Если ты не собираешься заводить мужа, — сказал он, — тебе следовало бы обзавестись хоть какими-то правилами грамматики; послушав, как ты разговариваешь, можно подумать, что ты никогда не ходила в школу!»

«Я наряжаю свою речь лишь раз в неделю, — сказала она, — а все остальное время я предпочитаю ходить в удобном виде и позволять произношению заботиться о себе самом. Какая разница прилагательному, если его используют вместо наречия? Слову от этого не больно; мне так проще; ниггеры понимают меня лучше, и все вокруг счастливы».

«Однако я видел, как молодой Честер Бенг странно поглядывал на некоторые твои выражения», — заметил Дэнджерфилд.

«Молодой Честер Бенг, — усмехнулась она, — не обратил бы внимания даже на язык рыжего команча, если бы у того были деньги Дэнджерфилдов».

«Вот опять, — сказал он, — приписываешь низкие мотивы высоким помыслам! Этот парень в полном порядке!»

«Да? — переспросила она. — Кто это идет через поле?»

«Мне все равно, кто это, — сказал ее отец. — Я хочу сказать, что Честер Бент — пожалуй, лучший...»

«Это кто-то, кто пытается что-то поймать или пытается сделать так, чтобы его не поймали», — сказала Шарлотта.

Ее отец наклонился, чтобы посмотреть через просвет в деревьях, окружавших ранчо, и увидел на холме всадника, погонявшего лошадь настолько уставшую, что ее голова покачивалась, как поплавок на бурной воде.

«Он оглядывается назад, — заметила девушка, — и дело в том, что он чертовски испуган. Он несется сюда, как суслик, удирающий в норку».

«Кто это?» — спросил Дэнджерфилд. — «Какой-то парень из города, — ответила она, — потому что ни один стоящий ковбой никогда не ездил так боком».

«А вот Харрисон Дестри определенно умел укрощать лошадь», — заметил ее отец.

Всадник скрылся за деревьями, но почти сразу же у кухонной двери появилась взволнованная негритянка, говорящая: «Тут молодой джентльмен, который очень сильно хочет видеть вас, полковник Дэнджерфилд!»

Это было его семейное прозвище; это было прозвище, которое распространялось повсюду теперь, когда он мог давать деньги взаймы, вместо того чтобы «занимать» их.

У него не было возможности пригласить незнакомца войти и разделить гостеприимство его дома, так как этот человек в тот же миг появился, отеснив плечом толстую кухарку. Он был весь в пыли. Пыль густо лежала в складках его рукавов и на плечах. Его шляпа была снята, а волосы растрепаны в крысиное гнездо; он шел, покачиваясь от истощения; его лицо было осунувшимся, а глаза ввалились. И все же это было красивое лицо; некоторые говорили, что он был самым привлекательным парнем во всей округе, ибо это был Джерри Уэнделл.

Он рухнул на стул, задыхаясь: «Заприте двери, полковник! Он не в трех прыжках позади меня! Он жаждет убийства! Он уже убил двух человек этой ночью. Он преследовал меня по пятам через холмы. Я сделал полный круг вокруг Уэма, и он гнался за мной каждую минуту!»

«Запри двери и окна, Чарли, — сказал полковник с невозмутимостью. — Поддай мне еще тот дробовик. Я зарядил его заново картечью вчера. Сколько их там, Джерри, и кто они, и что, черт побери, они имеют в виду, преследуя тебя прямо на моем ранчо? Тут нечего бояться. Мои нигтеры будут сражаться за меня. Сколько их там всё же? Чарли, подними тревогу...»

«Там только один, — сказал Джерри Уэнделл. — Только один, но он — дьявол. Я не стыжусь того, что бежал! Вы же знаете, кто это! Вы, должно быть, слышали!»

«Ничего!»

«Это Гарри Дестри бушует на свободе!»

Дробовик с грохотом упал на пол из рук девушки.

Джерри Уэнделл, чьи глаза безумно метались по окнам, вжался в самый темный угол комнаты, продолжая говорить, причем его голос дрожал так же сильно, как и тело:

«Это все было притворством! Понимаете? Притворялся, будто боится! О, какими же дураками мы были, думая, что Дестри вообще чего-то может бояться! Он хотел заманить нас всех в ловушку — каждого человека, который заседал в том жури присяжных — о боже, как я жалею, что никогда не видел зал суда и не слушал того судью! Он убьет судью. Я надеюсь, он убьет судью».

«Возьми себя в руки, — медленно произнес Дэнджерфилд. — Я видел, как Дестри вел себя как желтая собака с поджатым под себя трусливым хвостом, а ты говоришь мне, что он бушует?»

«Вот именно! Он ждал, пока все мы вернемся в город. Затем он поймал Огденов в "Последнем шансе". Он — он — убил их обоих. Он убил их обоих!»

Дэнджерфилд шагнул ближе к нему.

«Убийство?» — спросил он.

«Убийство? А что же еще? Что же еще? — завопил Джерри Уэнделл. — Что это еще такое, когда такой убийца, как он, начинает преследовать обычного человека, вроде меня? Убийство, убийство, говорю я вам! И он не остановится, пока не доберется до меня здесь и не зарежет меня у вас на глазах в вашем собственном доме!»

Глава 10

Стыд, в конце концов, — человеческое изобретение; животные не знают о нем ни малейшего толка. Слон не испытывает стыда, когда бежит от мыши, а лев убегает от носорога без угрызений совести, ибо стыд был неведом до тех пор, пока человек не создал его из цельного полотна своего желания быть подобным богу, хотя сами боги были далеки от таких мелких предрассудков на солнечном Олимпе. Бедный Джерри Уэнделл в своем пароксизме совершенно забыл то, кем он должен быть; пятьдесят тысяч лет унаследованного достоинства были вытрясены из него, и он вел себя так, как мог бы повести себя пещерный человек, если бы медведь ломал баррикаду у входа в жилище, а наконечники всех копий внутри были сломаны.

Каждую минуту он вздрагивал, его зрачки расширились, когда он смотрел на двери или окна. Он не замечал презрения Дэнджерфилдов, которое они прикрывали так хорошо, как только могли, под видом доброго участия.

«У тебя есть человек у этой двери?» — спросил Джерри. — «И у этой?»

«Да».

«И у этой?»

«Та ведет вниз в подвал. Он не попытается прийти с той стороны».

«Что бы вы ни делали, он будет здесь!» — сказал Уэнделл, заламывая руки. — «Я ведь тоже думал, что смогу остановить его; у меня было вовремя получено сообщение из салуна; я расставил трех хороших людей; я звонил по телефону через дорогу за дополнительной помощью, и тут я услышал шаг на лестнице — шаг на лестнице...»

Воспоминание задушило его.

«Я побежал к черной лестнице и соскочил вниз. Я запер кухонную дверь, когда выходил. Я промчался через сад и перепрыгнул через забор на улицу, и когда я прыгнул, я оглянулся и увидел, как тень проскользнула в кухонное окно.

Затем я нашел на улице лошадь. Я не стал останавливаться и спрашивать, чья она. Я запрыгнул в седло, благодаря Бога, и помчался к огням посреди города.

Но он настигал меня. Мне пришлось срезать путь по боковому переулку. Он шел по моим следам на низкорослом мустанге.

Я выбрался из города. К счастью, моя лошадь умела прыгать. Я перебросил ее через заборы и выскочил на поля. Тогда позади меня уже не было видно никаких следов, и в конце концов я решил сделать круг и вернуться в Уэм.

Потом я снова увидел его, переваливающего через холм — лишь проблеск его очертаний на фоне звезд — и он висит у меня на хвосте с тех пор — с тех пор! Он...»

«Садись завтракать», — призвал Дэнджерфилд. — «Кукурузный хлеб еще теплый. Ты выглядишь — голодным!»

«Завтрак?» — произнес тот. И истерически рассмеялся. — «Завтрак!» — повторил он. — «В такое-то время! Ну, а почему бы и нет?»

Он позволил усадить себя за стол, но его руки ужасно дрожали, когда он попытался поесть. Его душа и нервы находились в таком же страшном беспорядке, как и его одежда; волосы дико торчали дыбом; галстук съехал под одно ухо; короче говоря, никто бы не принял его за того Красавчика Джерри, который разбивал сердца в Уэме на протяжении многих дней.

Он пролил половину кофе на свое пальто и на скатерть, но остальное ему удалось протолкнуть в горло, и его взгляд стал немного менее безумным. Тут же погребенная совесть снова ожила. Он ухватился за галстук и поправил его; сделал движение рукой по волосам и впервые заметил опущенный взгляд девушки.

Он мог прочесть в нем многое из того, что было выбито из его испуганного мозга за все время его бегства. Остракизм и насмешки будут преследовать его до конца его дней, если

только он действительно не встретится с Гарри Дестри лицом к лицу, с оружием в руках. И этого, как он знал, он сделать не смел. Жестокие ковбои и острословы города никогда не положат конец этой истории; они будут рассказывать об безумной скачке Джерри Уэнделла до окончания веков!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.